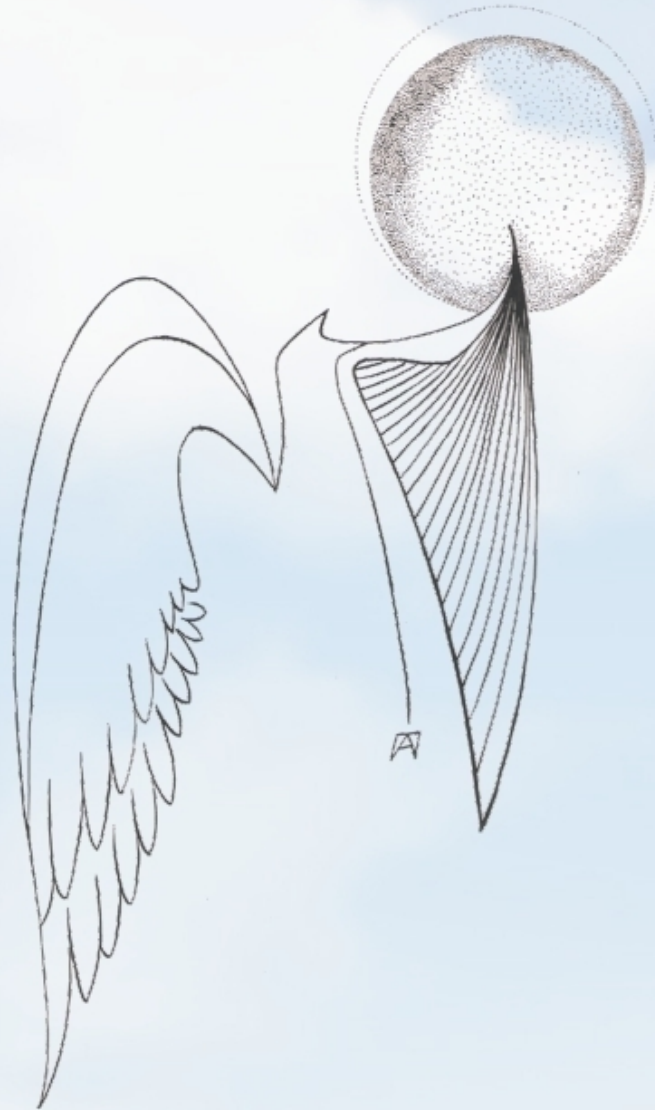

Сергей Филатов

Небо на Троицх

Сергей Филатов

Небо на троих (сборник)

«Маматов»

2019

ББК 84(2Рос-Рус)6

Филатов С. В.

Небо на троих (сборник) / С. В. Филатов — «Маматов», 2019

В новую книгу прозы Сергея Филатова «Небо на троих» вошли повести и рассказы, о разрушении оборонной отрасли в Сибири, в России, о людях, которые живут в эти разрушительные годы. Издано ограниченным тиражом.

ББК 84(2Рос-Рус)6

© Филатов С. В., 2019

© Маматов, 2019

Содержание

Сашенька	6
Провинциальные этюды на исходе сентября	10
Футбол после сорока пяти	16
Философия теплотрасс	20
Накипь	26
Небо на троих	39
Подать милостыню	47
1	47
2	48
3	50
4	51
Чечен	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Филатов

Небо на троих

*Стыдно быть бедным и занимать низкое
положение, когда в государстве царит закон;
равно стыдно быть богатым и знатным,
когда в государстве царит беззаконие*

Конфуций

© С. В. Филатов, 2019

© А. С. Пак, графика, 2019

Сашенька рассказ

...Знаешь, последнее время я чувствую себя лишним в этом мире людей. Порой до того лишним чувствую себя, что совершенно теряюсь: зачем, для чего я еще здесь?.. Что это: испытание или кара?..

Был у меня, не друг, так, знакомый один. Фамилия нелепая у него была – Семечкин. Хотя почему нелепая, если разобраться, – вполне обычная. Потом мы как-то с ним потерялись, как все в этом мире теряются; год его не видел, а то и больше...

Недавно встретил одну нашу общую знакомую:

– Знаешь, – говорит, – Витя утонул... В своей ванной... – Печально так сказала, точно жалела его, да и жалела верно...

Ну, повспоминали: рассказала она мне, как водится, подробности, – Я ж накануне с ним разговаривала, в пятницу... Так вот... лицо в лицо... Он какой-то потерянный весь был, странный... Помню, что-то по работе спросила; посмотрел сквозь меня, точно и не слушал: «Мне бы, – говорит, – твои заботы...» И все. А в понедельник на работу не вышел. Мы, конечно, послали к нему домой. Не открыл. Потом еще сходили, опять никого. Вызвали милицию, дверь вскрыли; а Витя там мертвый уже... И воды полная ванна.

А я почему-то другое вспомнил. Неухоженный он какой-то был, Семечкин. Подсмеивались все над ним. И умный вроде, а неухоженный. Обреченный какой-то.

Еще мимоходом вспомнил: нездешний он был, приезжий. Вроде скрывался даже от кого-то. Кому-то из «крутых» у себя на родине не то задолжал, не то дорогу перешел... Впрочем, в подробности он никого не посвящал, очень уж дело деликатное...

Приехал сюда, устроился на работу к хозяину, тот ему и квартиру снял, и аванс на обустройство выдал... Грамотный он был мужик, Семечкин, по части юриспруденции – ловко бумажки всякие составлял, и для дела полезный.

И все бы, наверно, у него наладилось, пил только он сильно... Тосковал, что ли?.. А может, лишним себя чувствовал?..

... знаешь, меня постоянно мучает вопрос, откуда оно, это чувство?.. Почему у людей возникает вдруг?.. Не у всех возникает, у некоторых. Точно отмечены они проклятьем...

Впрочем, лучше по порядку. Поздняя осень, скорее всего, – конец октября. Слякоть. Сплошное месиво из листьев и грязи. И не то чтобы дождь, а что-то такое морозящее, подавляющее, неуютное. Улица, прямая и длинная, ничем не отличающаяся от сотен других деревенских улиц. Пусто.

Только один человек идет по улице, по самой ее середине; пожилой человек с тростью, в шляпе. На вид бывший учитель или бухгалтер поселкового Совета. Теперь – точно пенсионер. Видимо, его мучает отдышка, потому двигается он медленно, слегка прихрамывая, часто останавливается.

Почему-то собаки не любят людей с тростью. Не любят и все тут... Но и они сегодня совсем не обращают внимания на одинокого прохожего; охота им в такую-то погоду!.. – лежат себе в подворотнях; взглядом проводят да тявкнут разок для приличия; и то не всякая позволит.

И тут-то – откуда взялась только? – ма-аленькая такая собачонка, шерсть вся грязная, скатанная ключьями; но злая, видать; выкатывается она на середину, прямо перед пенсионером,

крутится вокруг него, твякает, насакивает. Он, сначала незлобно, пытается отмахнуться от нее, как от назойливой мухи, цыкает, потом отталкивает тростью, верно, и ему надоедает это bestолковое твяканье... Но собачонка не отстает.

И тогда-то, остальные, ленивые, лежащие в подворотнях шавки, до этого мирные почти, – срываются с належанных теплых мест и сворой облаивают человека. Он громко, неумело матерится на всю улицу, отмахивается; собаки визжат, отскакивают, но опять бросаются на него с утроенной энергией...

Ты спросишь, к чему я это?.. Я и сам не знаю. Просто вспомнилась картинка. Потому и решил записать.

... знаешь, у нас теперь снег. Настоящая зима, хотя, конец октября. За окном рябина: тонкий прутик, торчит сиротливо, и гроздь ягод такие красные!.. – ком к горлу подступает.

Темнеет теперь рано, и утром, когда на работу собираешься, тоже темно. Поэтому, или еще почему, на работу идти не очень хочется. Но надо. Кому надо, зачем... – дело второе. Надо и все. Знаешь, «есть такое слово...»

А может, и не с этого начать?.. Да и не о себе вовсе.

Кажиков решил повеситься. Глупо вроде решил, однако твердо. Подумал – где, и получилось так, что удобнее всего в баньке. Во-первых, тепло и спокойно – никто не помешает; во-вторых, крюк на потолке есть, за него бабка кажиковская веревку для белья привязывает; удобно, в смысле веревку привязывать... Хотя, и ему ведь тоже веревку... А в-третьих, – мыло под рукой...

...работала в конторе вместе с Кажиковым бухгалтерша Саша. Все ее Сашенькой называли. Вернее, она-то давно работала, это Кажиков позже устроился. Поначалу у них с Сашенькой отношения теплые сложились, товарищеские. Кажиков раз по пять на дню к Сашеньке в кабинет заходил. Просто, ради человеческого общения. И она к нему тоже. Спрашивала: по работе что, или просто так, – Валер, ты научишь меня на компьютере?..

– Научу. Ничего сложного там нет. Главное, не бояться... – И Кажиков увлеченно показывал Сашеньке, как работать в Word, в 1С-бухгалтерии, в других программах...

Она слушала его, пыталась что-то сделать сама; получалось у нее плохо, и она шутиливо, не без кокетства, себя ругала:

– И надо же такой глупой уродиться!.. Вот уж воистину, курица не птица...

– Ничего, все получится, – уверенно успокаивал ее Кажиков, – просто практика нужна.

– Да уж, – не то соглашалась, не то не соглашалась Сашенька.

– Знаешь, Валер, все у нас тут как-то не так: все друг друга подсаживают... все друг на друга стучат начальству... Все как-то не так... – Сашенька почему-то откровенничала с ним...

...как-то ремонт в конторе затеяли. Как раз с кажиковской комнаты начали. Пока суть да дело, Кажиков и напросился к Сашеньке переселиться. С этого-то все и началось.

Все нормально вроде, только ремонт затянулся. Стал Кажиков замечать, что присутствие его в комнате Саше вроде как в тягость. То ли привыкла она одна быть, то ли стесняется его. Он даже курить чаще стал выходить, лишь бы не мешаться. Однако, что еще сделаешь...

А строители, как назло, и вовсе торопиться перестали. Однажды вызвал Кажикова главбух, Василий Степанович. По началу все по делам, а потом и говорит:

– Тут, Валерий, вот какое дело... Сашенька заявление написала, отпуск за свой счет просит.

Кажиков только плечами пожал: ну просит и просит, стало быть, есть на то причина.

– Видишь ли, – мнется Василий Степанович, – я ее к себе вызвал, «В чем причина?» – спрашиваю. Знаешь, что ответила?.. Не знаешь... Вот то-то и оно! Одежда говорит у тебя плесенью пахнет или сыростью какой... Сидеть, говорит, с тобой в одном кабинете невозможно...

Кажикова, как обухом по голове! Ладно бы другой кто, и то сказать, с другими сослуживцами он не очень-то ладил. Точнее, не ладил никак: «здравствуйте», «до свидания», по работе что... А тут Сашенька!..

Скоро Кажиков замечать стал, что сослуживцы смотрят на него как-то странно, переговариваются о чем-то, а когда он заходит в комнату, – замолкают. Один раз услышал даже, как Юрий Витальевич, снабженец, сказал кому-то: «Дом, наверно, сырой у него; потому и запах...»

Кажиков сделал вид, что не услышал, однако закомплексовал крепко. Дома все углы, всю одежду одеколоном обрызгал. Пузырька два вылил. Все выстирал, просушил... Но разговоры не прекращались.

Он только об этом и думал, ни о чем о другом не мог, анализировал все. Почти год он проработал до этого, никто ни про какие запахи не говорил. А тут стоило Сашеньке заявление написать... Ладно бы сначала ему сказала как-то... Нет – сразу заявление!.. Оставила на всю контору. И до директора слух дошел, и он стал в сторону Кажикова коситься...

Словом, жить стало невмоготу. Кажиков решил повеситься. Зашел в предбанник – там тепло, запах распаренной березы – бабка баню недавно протопила; присел на диван, закурил.

Задумался Кажиков, ничего понять не может: что он кому плохого сделал?.. кому помешал?.. почему все так против него?.. Печка тоскливо догорает, мерцает огоньками... Сидит Кажиков, курит. И ответов не находит.

Выход один – повеситься...

... знаешь, думаю, у каждого есть своя сашенька: некая отправная точка, с которой все несчастья начинаются.

Смотрю я в окно, а там снег, белый, пушистый. И рябина, красная – ком к горлу!..

Может быть, опережаю события, оттого и чувствую себя лишним, чужеродным в этом мире людей. И мир людей чувствует это, и выталкивает, выталкивает меня. Куда?.. В будущее, в прошлое? А может, в небытие?.. – куда ушел Семечкин...

Знаю, спросишь, а Кажиков?.. Я оставил его в бане и дальше про него не знаю, да и не хочу. В таких случаях человеку лучше одному остаться...

Недавно в контору к нам, в отдел кадров зашел человек. Работу просил временную:

– Понимаете, к сестре приехал... А она умерла... Мне бы денег немного... Заработать на дорогу... Помогите... Мне бы только немного заработать...

Та же неухоженность, та же обреченность. Нет, он ни у кого не просил, он просто хотел честно заработать...

Инспектор отдела кадров посмотрела на него так, словно просит он о невозможном. Да и чем она могла ему помочь, работы у нас в тот момент действительно не было. Она лишь посочувствовала ему и грустно отрицательно покачала головой. Когда он вышел, сказала мне:

– Жалко человека... – и немного погодя добавила, – Наверное, давно в бане не был. Запах...

Не помню, может, и ее звали Сашенька...

... знаешь, я что-то устал объяснять. Но снег, но рябина... Мне кажется, они меня понимают.

Провинциальные этюды на исходе сентября рассказ

*Художнику
Юрию Бралгину*

Все как-то собираюсь к Егоровичу в мастерскую зайти. С самого мая собираюсь. По телефону общаемся часто, он меня всякий раз приглашает, а я обещаю непременно зайти, в ближайшее же время. Но время идет, а я собираюсь, собираюсь... и никак не могу собраться десять остановок на трамвае проехать. Все недосуг.

Зато часто представляю, как это будет. Был же я, много раз у него был, мастерская у него хорошая, большая, света много, и энергетика там светлая, положительная. От картин ли, от Егорыча ли этот свет исходит...

Вот семьдесят ему недавно стукнуло, а он все бодр, свеж, румян, краснощек. Вот он камни мне показывает: старик, девушка, шаман... и непременный пастушок его спящий... вот Егорыч в проеме окна стоит, из окна свет льется, а он посередине, как в портретной рамке, с нимбом, седовласый, увлеченный, что-то говорит. Береста, овчина, холсты – горы, Катунь, алтайцы... разговоры, и конечно, по «чуть-чуть», и опять разговоры... холсты, замыслы и этюды, этюды, этюды...

За окном не май месяц, сентябрь.

Дома холодно, даже спать ложишься в мягком шерстяном свитере, иначе утром из-под одеяла не вылезешь. С утра хмуро, морось. К обеду – золотая осень.

Провинция. Большая свинцовая лужа растеклась по дороге, у самой бордюры. Люди осторожно обходят ее, кто-то пытается перепрыгнуть, – ботинок в луже, брюки в грязных брызгах, крепкий отборный мат, ноги промокли, настроение окончательно испорчено...

Некоторые наивно полагают, что провинция – это территориальное. Вряд ли это так, все больше убеждаюсь, – провинция это возраст души. Все мы изначально стремимся вверх, к чему-то светлому, высокому, несбыточному, «столичному», лелеем надежды, пытаемся воплотить мечты, чего-то добиваемся... Чего-то, чаще, нет.

Тогда-то подстерегает, окутывает нас быт: теплый уютный угол; миска наваристого борща; соленье, варенье на зиму – огурчики, помидорчики, грибочки... чуть позже, капуста, хрустящая слегка с морозца, крепкая, свежезасоленная... Опять же, непыльная, по возможности, денежная (сказал, и сам в душе рассмеялся... или прослезился) – работа; в меру не очень обеспеченная старость (понятно, забота государства о гражданах, то есть о нас с вами) и так далее, и тому подобное...

Плохого в этом ничего нет. Хорошего тоже. Просто констатируешь факт – стремиться больше некуда, выше головы не прыгнешь – штаны мешают.

Хотя прыгают. И получается. Но это из разряда «везунчиков», из тех, кто в струю попал и крепко за нее держится, и выносит его течением до самых до столичных высот, и окунается он в эти самые «высоты», купается в славе, живет «на слуху», вкушает «радости бытия» и прочее, прочее, прочее...

Но это со стороны. А на поверку – так же сиротливо, пусто, провинциально в душе. И чтобы понять это, достаточно «вынырнуть» на минутку из этого круговорота жизни, остаться наедине с собой, взглянуть на себя со стороны, и понимаешь – «слова и слава бранны», ты был собой – «таким ты и остался».

Всё. Жизнь кончена, начинается инерционное времяпровождение.

Живешь и дней своих не знаешь. Да и не хочешь знать, неинтересно. Годом больше, годом меньше – какая разница, всё равно все там будем. Так все устроено, и не нам все это менять.

Не нам?.. А кому?.. Кому, если не нам?

«Авторы, которых вы сейчас услышали, все работают на каких-нибудь предприятиях, а в свободное от работы время... – услышал я на одном из выступлений местного литературного объединения, – пишут стихи и прозу». «В свободное от работы время» – в контексте звучит как оправдание, этакий кружок школьной художественной самодеятельности, после уроков. А собственно, так оно и было в тот раз, качество читаемого оказалось весьма и весьма «самодеятельным»...

Ну вот, написал, перечитал – что-то с одной стороны все мягко и уютно получается, «пушисто» что ли, с другой – мрачно. Да...

А что за окном?.. А за окном дворник листья подметает. С автобусной остановки. Возраста он непонятного, вида бомжеватого... но в оранжевой униформе и с «модной» искусственной метлой. Настоящий дворник. Одеди, метлу в руки дали... – этакое светлое пятно на сером фоне провинциальной улицы.

Не знаю почему, но все дворники у нас оранжевые. Может быть, чтобы их издалека видно было, ну чтоб машины не наехали, а, может, и просто им, дворникам так положено по должности своей дворницкой. Опять же, повторюсь, и мир провинциальный более разноцветным становится. Мелочь, а на душе теплее.

Тем временем смел дворник все листья с остановки в кучку, собрал в мешок, присел, покурил неспешно и пошел себе через дорогу. Ну, думаю, наверное, сейчас другую сторону дороги подметать станет. Ан – нет, там, через дорогу в парковочном кармане Волга тридцать первая стоит. Подошел к Волге, деловито мешок и метлу в багажник положил, сам – за руль и дальше к следующей остановке... Я даже опешил немного, нормально, думаю!.. Вспомнил, как я его бомжеватый вид разглядывал внимательно, подумалось еще тогда – наверное, не от хорошей жизни люди в дворники идут. Забавно так стало, над самим собой забавно...

А он уехал. А листья на остановку падают и падают, опять засыпали все. Осень.

А я другое вспомнил. Друг рассказал. Как-то встретил он своего одноклассника, бомж – не бомж, но живет в каком-то полуподвале, не работает почти, перебивается случайными заработками, но на жизнь хватает – самое необходимое есть, книжки умные читает... Спросил он тогда этого одноклассника своего, как тот до такой жизни дошел. Ответ поразил и друга, и меня, когда он рассказывал: «Это вы дошли. А я к этому пришел». Действительно, все нужное у человека есть, зачем больше-то?

Вообще-то, с дворником этим я, конечно, переборщил, отвлекся, – полезно, знаете ли, иногда взглянуть – что там за окном твориться, что за страна такая, какое время нынче на дворе...

А время интересное, непростое. Как я сказал, осень, сентябрь, провинция, погода переменчивая... Да и жизнь тоже.

Когда-то город этот числился одним из главных центров, где создавался «ракетный оборонный щит страны». Было в шестидесятые-семидесятые да и в начале восьмидесятых прошлого теперь уже века такое поветрие – крепили и создавали, создавали и строили, строили и жили, жили и вооружались... словом, крепили.

Я сам в эту «мясорубку» попал. Тогда ведь как, все силы на оборонку были брошены. Был приказ – создать. И лучшие мозги, лучшие руки и прочие части тела – все лучшее со всей нашей страны необъятной стало стекаться в наш маленький провинциальный городок.

Мощнейшие заводы возвели. В кратчайшие сроки. Огромнейший НИИ создали. И все это в полную силу заработало. Для укрепления оборонной мощи.

В то время и у нас некоторые элементы «столичности» проявились. Какой-никакой, а центр. Неважно чего. Пусть п/я, пусть для иностранцев закрыто... зато ракеты делаем, да такие, что через всю страну летают и попадают в квадрат размером метр на метр. А это согласитесь – ого-го!.. До сих пор гордость раздирает!

Да и культура была, и спорт – помню тогда наша футбольная команда в классе «Б» выступала, и хорошо ведь играли!.. Постоянно чуть-чуть до класса «А» не хватало... Правда, это «чуть-чуть» вполне объяснимо: лучшие игроки нашей команды, едва оперившись, едва успев стать лучшими в своей команде, разъезжались по столицам или на юга, где потеплее и послаще. Но детская и юношеская команды гремели на всю страну, а порой и за ее пределами.

Опять же жили мы, радовались, созидали. На демонстрации ходили, «ура» кричали в трибуну, стремились к чему-то...

Потом, в девяностые, когда, как вдруг оказалось, все это хозяйство стало ненужным никому, – попробовали было всю эту махину на «мирные» рельсы перевести. Вместо ракет утюги да шубы делать пробовали, пиво вот еще, «чешское», точнее по чешским технологиям... Слово тогда еще модное появилось – «конверсия». Но то ли бронепоезд наш не приспособленным оказался для запасной мирной колеи, то ли еще что... – некогда разбираться было, выживать пришлось в «новых» внезапно навалившихся условиях.

Многие оборонщики в эти годы оказались в самом прямом смысле за воротами. Больно и обидно было видеть бывшего инженера или ученого, торгующего дешевыми счетными машинками, китайскими тряпками или сигаретами... Где-нибудь на базаре или в чуланчике-офисе два на два. А что делать?

Конечно, были и такие, кто успел ухватиться за край чубайсовского ваучера. И даже выгоду из этого извлечь. Но где они нынче? Все больше по москвам да по канарам...

А в основном-то, народ весь у разбитого корыта остался... И совсем не по Пушкину, ибо не было в нас тогда духа жадности и стяжательства аки в старухе той, – не хотели мы быть «владычицею морскою», просто жили и дело свое делали.

Помню и горбачевско-ельцинскую свободу, когда дали ее, а зачем дали – не объяснили. Натя вам – пользуйтесь!..

И сухой закон помню, и мужиков – далеко не нищих! – «бычки» на улице собирающих в период искусственно созданного «табачного» дефицита (а куда денешься – курить-то хочется!), и старую свою учительницу у мусорного бачка... – это вообще без боли в сердце вспомнить не возможно. Да мало ли еще чего вспомнится вдруг, даже писать про это не хочется...

Москва, пишет законы, директивы, указы, распоряжения... а провинция пишет письма. Это единственная ее привилегия, в этом-то ей никто не отказывает. Да и отказать не может.

Москва она что? Она и писать-то разучилась. От какого москвича прочитаешь: «Милостивый государь» или «уважаемый всемерно, Иван Иванович»... «пишет Вам в огромной надежде пребывающий»?.. И как эхо – пребывающий... пребывающий... А в ответ из Москвы в повелительном наклонении – выполнить, сделать... отказать. На то она и Москва, на то и столица.

Один мой знакомый вернулся из Москвы и через некоторое время записал в своем дневнике: «Вернулся из столицы. Нагляделся там всего до слез. Две недели пил с огромным усердием, пока, проснувшись однажды утром, не обнаружил, что дома все селедкой и табачищем пропахло, на кухонном столе «жопка» от огурца, гора сухих хлебных крошек да два вяленых таракана...»

Натюрморт! А вы говорите, Москва, Москва... где вы там «жопку» от огурца найдете?

И все-таки, не мы в провинции, а провинция в нас. Как бы мы ее не прятали, не маскировали, под какие бы одежды не засовывали – она все равно даст знать. В самый неожиданный момент выпрыгнет наружу, точно чертик из табакерки, а если по-нашему, по провинциальному, – то из бутылки. И не чертик, а вполне взрослый, сложившийся черт.

С нормальными рогами.

Это у них там в столицах после бани в Питер улетают. У нас все по-другому. Пришел мужик с бани домой. Ну попарился с друзьями, бывает... А жена дома не одна. Ежели поихнему, по столичному – с бой-френдом. Так отомстить ему решила за все его возлияния.

– Че пришел, – говорит, – иди дальше пей.

Мужик дверью хлопнул. Пошел и добавил. Стоит на перекрестке. Ватага парней валит. Обкуренные.

– Чего, батя, стоим?

– Какой я тебе батя!..

– А кто – Дед Мороз? Давай тогда подарки дари!

Мужика переключило, черт наружу выскочил – получку отдал, мобильник подарил, куртку новую... Наутро проснулся в вырезителе. Ни денег, ни куртки, ни мобилы. Ни жены. А так был бы москвич, съездил бы куда-нибудь в Питер, протрезвел, нашел бы себе бабу новую... Не судьба.

Город Бийск стоит на яме... Каждый раз возвращаясь из столиц местного, российского ли значения, – смотрю на свой город с горы. Красив. Особенно старый центр. Купцами построенный. Церковь Успенская куполами сияет, шпили купеческие... И один нелепый новодел торчит будто кайзеровская каска, весь вид портит.

Сам город далеко вдоль реки протянулся, а за рекой далёко – горы видны. К плохой погоде. Примета верная. Назавтра точно дождь или ненастье будет. Проверено.

А вообще-то Бийск – это ворота в горный Алтай. Так здесь принято говорить... и думать. Именно здесь начинается знаменитый Чуйский тракт – дорога в Поднебесную... Начинается от полуторки, стоящей на постаменте, а дальше – километров пять лесом, где вдоль дороги «девчонки в сторонке стоят», скучают. Иногда останавливается рядом с ними какая-нибудь дорогая иномарка, типа Мерседес с кемеровскими или новосибирскими номерами, иногда, реже, с местными, и садится в нее девчонка и уезжает в неизвестном направлении... так и хочется сказать «навстречу своему счастью», но нет на Мерседесах тех алых парусов...

Иногда засвербит от всех этих противоречий внутри, и думаешь, уехать подальше отсюда, далеко-далеко, и никогда не возвращаться. Но помотришь опять на город с горы, и чувствуешь внутренне, нет, не зря он здесь построен. Как сказал один наш историк «по приказу Петра I мозолистыми руками кузнецких казаков». Место больно удачное – на самом слиянии двух рек Бии и Катунь. И предназначение его было – защищать от набегов степников-джунгар границы земли русской и местные алтайские племена. И защищал, и сжигали его, и снова отстраивали... Где они теперь те джунгары и алтайцы?

Как-то ездил в Горно-Алтайск. Пришлось границу автономии пересекать. Там на КПП стоит поставой алтайской наружности, квадратный – полтора на полтора, тормознул и улыбается:

– Дурь есть?

– Не, только стволы...

– Проезжай, – смеется.

Знает, нечего с меня взять, чай не грузовик – жигуленок. Вот с фуры, с той да, с той и поживиться можно...

Так и делают. Зарботки у них в автономии нищенские, – не советские времена, когда в основном дотациями кормились, а выживать как-то все равно надо. Марал, белка много бить не дают, под другое руки не заточены, вот и изловчаются – кто во что горазд...

Еще они, как дети, блестяшки всякие любят. Понавешают значков разных, что медалей, и ходят довольнёшеньки – блистают. Точнее блестят.

Впрочем, и наши от них не отстают. Но здесь все посерьезнее, покруче. На этой наградомании у нас даже особая порода людей возникла – «пиджак для наград». Создал кто-то что-нибудь стоящее, они тут как тут. Давай, мол, мы тебе протолкнуть поможем, у нас свои люди там... и там... И помогают, и проталкивают... А потом создавшего потихоньку в бочек да в сторонку, на обочину, а себе – орден на лацкан. А как, мол, вы хотели, не я бы, так и сидел бы на печи ваш создатель.

Их правда, – человеку увлеченному, некогда чиновникам чего-то доказывать, он сделал, пришел в кабинет, показал, как работает. Отказали. Ну и пошли вы!.. Немного в запой, и дальше работать, что-то новое создавать. Пиджаки этим и пользуются.

До того доходит, что на всякое торжество у них свой орден имеется. Пошел к казакам – казачий крест нацепил, в администрацию – российский, еще куда – коллекция большая, заслуг перед обществом не счесть – тоже чего-нибудь подберем... Посмотришь так, вроде бы человек как человек, а приглядишься идет пиджак наградами увешенный, а внутри пусто – человека и не видно.

Хотя, если вдуматься, от всего своя польза есть, вот вешалка, или гвоздь в стену вбитый, – мелочь, а куда без них?..

«Искать во всем корыстной пользы? Увольте...» – кажется, я написал когда-то. Действительно, к чему?.. зачем?.. Однако жить надо, вот и бегаешь, вот и крутишься – вот и ищешь... А потом только задумываешься, чего ищешь-то?..

И понимаешь, все намного проще. Вот скверик. Вот небо. Вот листья падают, плавно, бесшумно. Точно скользят по воздуху. Неподвижному, торжественному, удивительно прозрачному до чего-то сокровенного, изначального, до какого-то истинного понимания себя в мире. Чего надо еще, бери краски, этюдник, лист ватмана и рисуй!

Глаза закрываю, и вижу тот же сквер. Все то же. Художник с этюдником немного поодаль, увлеченный этим сентябрем, его красками, его невообразимыми небесными глубинами. Глаза открыл, – нет художника. Это просто я сам себе его нафантазировал. Будь я педантом, сказал бы сам себе: «Нетипично это для нашей провинциальной действительности». Но промолчу.

А вот, напротив, на скамейке, реально – мужчина и девочка лет пяти. Разговаривают. Мужчине – чуть за пятьдесят, судя по всему, молодой дедушка.

– Деда, когда я совсем вырасту, я за тебя замуж выйду?..

– Да нет. Я уже тогда старый буду. А ты выйдешь за молодого принца...

– Знаю, знаю! За папу! И поедем мы с ним далеко-далеко на красивом Мерседесе!

– Папа тоже тогда старым будет...

– Неправда! Папа старым не будет! – девочка расстраивается, сердится на деда, грозит ему кулачком, потом обиженно отворачивается.

А он задумывается. Что ей ответить? Конечно же, она должна быть права, она не может быть не права. Будет у нее свой принц. Он многое готов бы отдать, чтобы все так и было...

Но действительность прозаичнее, все течет, как задумано. И он, к сожалению, ничего изменить не может. Да и надо ли?..

Футбол после сорока пяти рассказ

Футбольный сезон в нашем детстве начинался в конце марта, реже в начале апреля и то, когда март случался еще зимним холодным месяцем...

Лишь только солнце начинало греть по-весеннему, и оттаивал большой песчаный пустырь у трамвайного депо, – как мы, дружная команда-ватага квартала № 14, переодевшись в кеды, футболки, трико, ежедневно, весело и шумно гоняли черно-белый ромбиковый мяч с «после школы» до позднего вечера. И не беда, – что вокруг в тени деревьев еще чернели грязные, не совсем растаявшие сугробы, что в низинке за нашим футбольным полем скапливалась большая глубокая лужа, которая по ночам покрывалась тоненькой корочкой льда, впрочем, лед к «после школы» уже оттаивал, и, порой, мяч наш улетал в эту лужу, и доставать его с середины этой лужи приходилось большой длинной жердью, позаимствованной здесь же из забора соседней санзоны...

Первый футбол, после долгой зимы... Стоит ли объяснять, что это такое, тем несчастным хорошистам и отличникам, тем маменькиным сынкам, кто в своей жизни ни разу даже ногой по мячу не ударил. Тем, кто ходил со скрипкой и нотной папкой в музыкальные школы, потом зубрил дома, у скучного черного рояля, бесконечные этюды и пьески Черни, Моцарта, Баха... Они даже никогда не читали книги «Три удара Пеле», да и вряд ли знали, – кто он, этот великий неповторимый бразилец, непревзойденный мастер, укротитель мяча, умеющий в футболе все!.. Или абсолютно все, как нам тогда казалось.

Почти каждый из нашей шумной разношерстной команды видел тогда себя почти Пеле, Ревелино, Горинчей... И это был действительно футбол, азартный, самозабвенный, порой очень красивый! Сейчас так не играют...

Сейчас играют за деньги. То там, то здесь в газетах, с телеэкрана слышишь «купили футболиста за 5 миллионов евро», «футболист заключил выгодный контракт в 2 миллиона долларов»... Искусство продаваться, теперь в почете. Иначе не проживешь.

Но тогда о деньгах мы не думали. Мы просто гоняли мяч. Для одного из нашей ватаги – Сереги Пыжкова потом это стало профессией, он тоже стал продаваться за деньги, сначала из нашего «Прогресса» в соседний кемеровский «Кузбасс», потом куда-то в дубль первой лиги, но, как я слышал, у него там не сложилось, и в последнее время он где-то, в такой же провинции, как и наш городишко, тренирует детскую команду, опять же по слухам личная жизнь у него не сложилась, впрочем, слухи есть слухи...

Какие голы он забивал в самодельные, сколоченные из обыкновенных строганных брусков ворота! Какие голы!.. «Сухим листом» подкручивали мяч с углового, бил в падении головой или – ногой через себя...

Падать тогда было почему-то совсем не больно. Помню, как однажды, кто-то в борьбе за мяч оттолкнул меня, и я сильно ударился плечом об штангу. После этого еще часа два я бегал вместе со всеми, отдавал голевые пасы, даже забил гол – красивый – и, только придя домой, заметил, что плечо у меня сильно распухло и болит. После этого – травмпункт в соседней поликлинике, жестокий приговор врача – «разрыв соплечья», гипс и – целых две недели без футбола!..

Но, пожалуй, самыми жестокими и бескомпромиссными были межквартальные схватки, когда мы вызывали на матч одну из ватаг соседних пятнадцатого или двадцатого кварталов. Здесь бились действительно «не на жизнь» – до последнего гола. Проиграть в такой схватке считалось величайшим позором, и если такое случалось, то проигравшие, целую неделю тре-

нировались с утроенной энергией, чтобы в следующее воскресенье непременно вызвать обидчиков на матч-реванш, и непременно выиграть его с крупным счетом! Иначе и быть не могло!

Хотя по-всякому бывало...

По-всякому бывало и в жизни. Это теперь, когда сорок пять, понимаешь, что жизнь прошла, и прошла зря или почти зря. Именно большинство из нашего поколения «создавало оборонную мощь страны», мы заканчивали ПТУ, техникумы, единственный в нашем городе политех и шли работать в «оборонку». Работали, делали ракеты, снаряды и прочие атрибуты мифа о могуществе родины.

Потом «оборонка» развалилась. Многие остались ни с чем и безо всяких перспектив на будущее. Целое поколение безработных... Хотя и сегодня во всех газетах видишь объявления – «требуется... требуются... требуются...» И, как приговор – «до 35 лет».

Нынче весна отчего-то очень погожая, очень футбольная. Такой исключительный конец марта!.. Оттаяло все, тепло уже от земли чувствуется. Особенно к полудню. Эх, самое время в футбол играть!..

Я теперь часто хожу на работу и с работы мимо трамвайного депо. Того самого. Поле наше футбольное уже пообрезали, построив с краю частную шиномонтажку. Ворота наши еще стоят, но какие-то сильно заброшенные, давно мяча «не знавшие». Подъезд к шиномонтажке и площадку забетонировали, скорехонько, как все сегодня, поставили современный, обшитый сайдингом бетонный модуль, и качают, себе, там колеса... Клиентов, правда, у тамошних шиномонтажников пока маловато, но видимо со временем место приработается, «прирастет», да автомобилисты попривыкнут и станут обслуживаться здесь. Особенно, автомобилисты с соседних гаражей.

Гаражей в этом районе полно. Вот и неподалеку от площадки расположен большой гаражный кооператив. Там находится и мой гараж. Там был и гараж Марка.

Марк, он же Марек, – наш правый край нападения. Из той «команды молодости нашей...» Какие мячи он подавал справа со штрафных и угловых! Оставалось только подставить голову или ногу. И мяч в сетке. Впрочем, вру, сетки у нас отродясь не бывало. Но это и не важно было, – главное гол забить.

Так случилось, что Марек умер первым. Мы редко встречались с ним, хотя и жили на одном квартале, машины в одном гаражном кооперативе ставили. Но как-то не пересекались.

Он, кажется, болел. Печень. Ходил весь желтый, худой. Впрочем, и пил он не по-детски.

Знаю, что после ПТУ работал слесарем где-то на одном из наших оборонных заводов. Позже, когда «оборонка» в городе окончательно «развалилась», Марек пытался самостоятельно заниматься частным строительством, попросту калымил, частенько бывал при деньгах, быстро пропивал их, снова садился на мель, и так дальше по замкнутому кругу.

Такая нестабильность, была причиной и его неустроенности в личной жизни, с женой он разошелся давно, жил с совершенно разными, совершенно случайными женщинами, достаточно часто, примерно раз в неделю, менял их, пить от этого не переставал и все болел... Печень.

«Ловила» наш Леха Борщев был вторым «в очереди». Он вообще на рыбалке умер. Сидельный он был, Леха. Сел лет в 19, по глупости, за драку. Потом еще за драку. Потом вышел, работать устроился грузчиком, женился было. Да жена гулялая попалась. Говорят, прямо при Лехе с мужиками спала. Разошелся, но работу не бросал. Все говорил при встрече: «Хватит, насиделся. Пора и жить начинать...» Начал.

Я, правда, на той рыбалке не был, но мужики рассказывали. Пока ехали, он все на здоровье жаловался. И не то, чтобы с глубокого похмелья, но немного, как говорится, в нем было... Как на место добрались, решили перекусить немного. Пока мужики консервы вскрывали, Леха

полтарашку пива открыл. Ну и приложился к ней с желанием. Почти половину выдул. Поставил полтарашку и упал навзничь. Мужики сначала подумали придуривается, скатерть расстилать начали, потом хватились, а Леха уже готов. Кинулись в ближайшую деревню, медика привезли милиционера... Потом Леху в багажник кое-как уложили, здоровый он был Леха, не менее сотни кило. И 150 километров так в багажнике его и везли. До дома.

После Лехи были Петька Пискунов – правый полусредний, Жора – опорный защитник, Васька Оденин и Алик – те что по краям играли, Семен...

А не так давно «случился» Юрка – центральный нападающий. Юрка вообще был любимчиком команды, и ему многое прощалось. Он мог позволить себе не оттягиваться назад, задерживаться где-то в центре поля, иногда передерживал мяч, жадничал – не пасовал... Все мы конечно мастера были тогда, но Юрка – это был Юрка.

Никто так, как он не чувствовал голевую ситуацию, нога его всегда оказывалась именно «в то время и в том месте», голы он забивал самые нужные и необходимые, еще случалось зачастую просто так, между делом, как бы нехотя, скучая... а иногда и стремительно логично завершал комбинацию, в которой участвовали мы все. Но слава-то доставалась ему, Юрке!

Он относился к этой славе снисходительно, несколько свысока, однако, мы все понимали, что Юрке все равно приятно где-то в глубине души, и славой этой он «за просто так» ни с кем делиться не согласен.

Странно, но тогда ему никто и не завидовал. Зависть могла появиться позже, но и позже завидовать было нечему... Обычная схема для нашего двора, для нашего поколения, для нашего небольшого города: работа на «оборонку», безработица, случайные заработки, водка...

Впрочем, водка и стала для Юрки той отдушиной, которая как-то скрашивала ему жизнь. На нашей улице Разина в годы пресловутой горбачевской «перестройки» поставили вагончик, обыкновенный такой железнодорожный. Кто-то из «сиделых» поставил с двадцатого квартала, не знаю, возможно, и он с нами в футбол когда-то бегал. А внутри вагончика – пивбар. А в пивбаре, кроме пива, бадяжная водка, ну, просто спирт разведенный, не по-менделеевски, а так, на глаз... Да и спирт-то не лучшего качества.

Но Юрка как-то прирос к этому вагончику. Сторожил его по ночам, вместе с барменшами – благо все они почти молодые были, и на фигуру ничего – за какую-то весьма символическую плату сторожил, к тому же имел там же в вагончике неограниченный кредит «в граммах», со всеми завсегдаями был «на ты»...

А публика в вагончике случалась самая разная: от гитариста-неудачника до «нового русского» – типа, пальцы веером все нештук, пацаны...», от спивающегося интеллигента до бомжа «в законе». Было там, в вагончике, весело, и жизнь там куда-то текла, в отличие от окружающей жизни.

Там же беззаботно, глупо и весело текла Юркина «вагонная» жизнь. Или ее подобие... Все это раззадоривало Юрку и придавало какой-то смысл его бессмысленному существованию. Жена у него работала в банке оператором, поэтому особых финансовых затруднений Юрка не испытывал. Дочь растил опять же, когда трезвым быть случалось...

Но вот, как-то шел домой с «работы», заночевал с молодой барменшей Лилей, часа этак в четыре утра шел, – ну и встретился с наркоманами. Прилетело ему по голове, да хорошо этак, видать, прилетело, в реанимацию попал.

А встретил я тут недавно бывшего одноклассника. Он меня спрашивает:

- Про Сомова знаешь? Про Юру?
- Конечно знаю, в реанимации лежит...
- Да-а... лежит... позавчера схоронили!
- Как?
- Вот так...

Последним, пока последним, стал Вовка Остряков. Один из двух Остряковых. Не братьев, – однофамильцев. Впрочем, оба они играли в полузащите, правда, на разных флангах.

Если о Вовке, то он был тот еще «финтила», маленький, юркий, как Александр Заваров. Кто такой Заваров не футболистам объяснять не буду, был такой футболист в годы нашей юности, играл в СКА Ростов-на-Дону, в киевском «Динамо», в итальянском «Ювентусе», ну и так далее...

Порой мы просто поражались Вовкиной способности – двумя-тремя финтами проскочить через частокотел тел, ног и прочего, а уж убежать от соперников ему труда не составляло. Бегал Вовка быстро... но от себя не убежал. Все один к одному, как у всех: безработица, водка, а потом еще и «дурь». На «ханку» подсел.

Жил Володя с матерью и с сестрой. Намучались они конечно с ним. Однажды я сам слышал, Вовкина мать с ненавистью говорила ему: «Когда ж ты сдохнешь-то?!» Володя что-то мычал в ответ добродушно, вроде – «скоро, скоро, мать...», пускал слюну и смотрел глубоко выпученными глазами.

Впрочем, иногда, когда Володя бывал трезв, он ненавидел себя, ненавидел жизнь свою такую, и спрашивал меня на полном серьезе: «Как думаешь, выкарабкаюсь я из этого дерьма? Знаешь как надоело, на работу никуда не берут, всем теперь до 35 нужно... А мне уж под полтинник почти... Куда я им?! А дома матери в глаза смотреть стыдно... И страшно».

Нашли Вовку дома в ванной. Со вскрытыми венами. Полная ванна окровавленной воды. И Вовка.

Хоронили тоже наскоро. Лето было, боялись, долго не пролежит – портиться начнет. Или еще почему-то. Мать Вовкина была какая-то потерянная, но не плакала. Когда смотрел на нее, – меня не покидало ощущение, что с плеч у нее огромный груз свалился. И грешным делом, думалось: «А может и прав он, Вовка...»

Второй Остряков, Серега, тот просто спился. Получил инвалидность, на вид молодой, здоровый, но что-то с ногами у него стряслось – отниматься стали. Пенсию ему назначили небольшую, но стабильную, что, согласитесь, по нашим временам немаловажно. И он ее честно, всю до копейки пропивал. Жена постоянно «пилила» Серегу, но не уходила. Жила с ним. Любила.

В конце концов, с квартала Серега уехал, квартиру свою на «красной линии» продал какому-то барыге под магазин. Точнее обменял на меньшую. Вырученную разницу успешно пропил и в последнее время, по моим сведениям, сторожит где-то на автостоянке – сутки через трое. Так же пьет, на квартале появляется редко и все жалуется на ноги: «Понимаешь, совсем ног не чувствую, – обычно плачется он после каждой рюмки, – Да-а... А ведь играли когда-то мы... Как играли!.. Помнишь?»

Помню, Серега, конечно же, все помню! Хоть и времени немало прошло... А последние годы особенно выкашивают почему-то по-черному наше поколение, поколение, которое государство наше «оборонно-уже-неможное» давно похоронило. И немного уже нас осталось. Хотя остались еще!

И где оно, Серега, то время?

Где тот футбол?..

Философия теплотрасс рассказ

Холодными осенними вечерами, наваливается на меня какая-то тоска, особая, глубокая и беспричинная. Не могу сказать, почему она наваливается, вроде ничего в мире не изменилось, но холодно и неуютно на душе, зябко как-то, и одиноко. Кажешься себе таким маленьким и чужим в этом мире, словно попал сюда по чьей-то нелепой ошибке: ни здесь и ни сейчас ты должен находиться... Но находишься здесь и сейчас.

А дождь сбивает уже редкие листья с тополей, мочит сиротливые кучки листвы на земле, назойливо настучивает в окно, вот он уже вперемешку со снегом, вот... впрочем, зима еще не наступила. В такие вечера я часто думаю о нем: как там ему в своем подвале, на трубах парового отопления?..

Меня всегда интересовали параллельные миры. Нет, ни в том галактическом смысле, как это нынче модно, а те, которые живут рядом с нами и внутри нас. Только мы их почему-то не замечаем, или не хотим замечать, до поры. Так удобнее.

Он – это он. В соседнем подъезде, точнее в подвале, живет человек. Человек, как человек. Живет и живет. Для удобства так и буду называть его в своем повествовании – Человек.

Часто, с какой-то непонятной настойчивостью, я бездумно эксплуатировал этот образ, но никак не мог до конца ответить на все вопросы: кто он? откуда взялся? зачем живет? о чем думает?..

Собственно, он мне не мешал, я ему тоже, – ну поздороваемся, ну поговорим иногда, так, ни о чем, ну закурить спросит – так ведь не жалко... Порой, при встречах с ним, что-то проскакивало внутри, цепляло даже... Но тут же забывалось за другими делами и заботами.

Как-то по осени, когда заморозки уже начались, а отопление еще не дали, – наши доблестные работники жилтраста начали проверять систему отопления. Дома холодина, закутался во все теплое – в шерстяных носках, в свитере, сижу книжку читаю, вспоминаю всеми «добрыми» словами наших слесарей и их начальство.

Вдруг – кап... кап... Вот... «радость»! С потолка побежало.

Бегом к соседу, что этажом выше. Звоню. Нет его. Я в аварийку, по телефону. «Ждите. Приедем». Тазик подставил. Куда там, аж струями течет. Что делать, побежал в подвал...

Человек спокойно спал на трубах. Вернее, на трубах лежала старая подушка от дивана, а на ней – он. Я огляделся, насколько время позволило. Стул. Стол. Небольшой кухонный шкаф. В одном отделении чай, хлеб, несколько помидоров, соль. В другом – книги...

Вот и элеватор. Какую задвижку перекрывать?.. Черт его знает!..

Пока я соображал, Человек проснулся. Видно и он был сильно удивлен моему визиту, особенно спросонья: действительно, я бы посмотрел на себя со стороны в тот момент – глаза выпученные, газовый ключ в руках...

– Тебе... чего?.. – Это он.

– Где?.. – Это я.

– Чего перекрыть то надо? Говори ладом.

С грехом и ненормативной лексикой пополам, с трудом подбирая от сильного волнения слова, я объяснил ему свою проблему.

– Какая, говоришь квартира?.. – Он, не торопясь, вышел в соседнюю «конурку», что-то покрутил там, – Ну вот, все. Перекрыто. Иди, аварийку встречай...

Я был настолько взволнован, что даже забыл поблагодарить моего неожиданного спасителя.

Потом уже как-то, разговорился с ним, поинтересовался, откуда он слесарное дело знает. Оказывается, раньше Человек на котельном заводе слесарем работал. Так сказать, высококвалифицированный специалист – рабочая интеллигенция. А на вид не скажешь. Хотя книги опять же, я еще в подвале заметил – Бунин, Достоевский...

Человек часто сидит у соседнего подъезда на самодельной скамейке, которую сочинил из старых досок. Читает. Я, проходя мимо, здороваюсь, он отвечает на мое приветствие. Иногда интересуюсь, как дела.

– Дела-то... – Человек на минутку задумывается, потом усмехается хитро, – Дела у прокурора, у нас – сам знаешь...

Он неразговорчив. На вид ему лет шестьдесят – шестьдесят пять. Одет во все старое, но выглядит аккуратно. Выбрит. И задумчив.

– Да-а... осень... Сыро... – тянет он, добавляя с явной досадой, – холода скоро.

– Скоро. – Соглашаюсь я.

Молчим. Курим.

– Ну ладно, я пошел.

– Давай.

Человек снова углубляется в Бунина. По-моему – «Дело корнета Елагина»...

Погода на дворе по-прежнему мерзкая: ветер, слякоть. Снега еще нет, – то выпадет, какой-то несерьезный, но тут же растает. Деревья уже совсем облетели, только на рябине набухли горько-красные кисти, да синицы прилетают и стучатся в окно. Им тоже холодно.

Кошка смотрит на них через стекло, лежит, нахохлившись, ленивая и сердитая. Ничего не хочется, только тепла.

Вспоминаю о Человеке. Эти дни, кажется, он даже на скамеечке не появлялся, не знаю, жив ли?.. Всякое в голову лезет.

Его нехитрую историю я узнал случайно. От вездесущей Марковны, соседки.

Человек в свое время окончил механико-технологический техникум, работал слесарем, потом бригадиром монтажников – ездил по стране монтировал малые и средние котлы парового отопления. Деньги на заводе получал неплохие, поэтому достаток у них в семье всегда был.

Сына вырастил и выучил; тот институт окончил, политехнический, тоже механик, как и отец. Пока сын в институте учился, Человек ему по учебе помогал – и курсовые чертил, и задачи решал, словом, чем мог.

Дальше – по жизни: сын выучился, на работу устроился; что-то не заладилось у него сначала – и работа без будущего, и зарплата маленькая – Человек и здесь на помощь пришел, помог ему найти перспективную работу, подсказал, как с людьми отношения наладить, и дело пошло.

Через некоторое время, сын женился. Человек много усилий и нервов потратил, чтобы и свадьбу не бедную сыграть, «как у людей», и на первое время молодым нормальные условия обеспечить – парень-то только-только за место зацепился, интерес к работе проявился, а невестка, та вообще еще училась – взял Человек «халтурку», работал денно и ночью, подсобрал кое-каких денег, купили молодым квартиру.

– Ну вот, – сказал он сыну, – работа у тебя есть, жить где – есть. На вот тебе еще денег, купишь машину, не новую, конечно, но за эту сумму вполне приличный «жигуленок» можно взять, года два-три, не старше...

Вроде бы все нормально складывалось: свой дом есть, не хоромы конечно, но вполне достойная двухкомнатная квартира; сына вырастил, стартовые условия ему обеспечил, дальше

пусть сам думает, мужик все-таки; дерево... дерево тоже посадил, в детстве помниться... Приросло ли оно, – честно говоря, не интересовался. Хотя надо бы.

Да... Вроде бы все нормально в жизни, одно плохо, – отношения с женой после ухода сына окончательно испортились. И так-то не сахар были, но пока сын с ними жил, как-то терпели друг друга, цель, что ли общая была – парня на ноги поставить, а теперь пустота возникла.

Кто виноват? Кто первый начал?.. Разве в этом дело... Ситуация нехорошая сложилась: приходит Человек с работы – с женой ни поговорить, ни словом перемолвиться. Внешне все нормально: ужин на плите, водка в холодильнике... жена спит уже. Поел, выпил немного, телевизор посмотрел, спать лег. Никто никому не мешает... вот только выходные... Он что-то по дому делает, она тоже, – В погреб за картошкой сходи.

– Соленья брать какие-нибудь?

– Не надо, есть пока.

И все. И молчок.

Как-то пробовал с ней поговорить, – Почему мы живем так?

– ?

– Слушай, ну давай хоть на выставку какую-нибудь сходим или в музей!..

– На работу завтра, а мне еще постирать нужно.

– Да брось ты все это, потом постираешь! Ну, нельзя же так!..

– Как?

– Неужели ничего интересного в жизни нет?

–.

Понимал он, конечно, всю глупость и необоснованность своих претензий, но тянуло куда-то, что-то новое узнать, увидеть. А когда на пенсию пошел, вообще нестерпимо стало.

– Ну чего ты из угла в угол шатаешься? Сядь – посиди, телек включи...

– Да не могу я, там одно и то же – то Турецкий, то Каменская!

– А тебе что нужно?

– Не знаю!..

То ли от беспокойного характера своего, то ли от внутренней неудовлетворенности начал он даже какую-то прозу писать, сам читать любил, вот и потянуло. Сходил на заседание местного литературного объединения, а поскольку привык все «делать хорошо либо никак», а уровень местных литераторов, мягко говоря, «оставлял желать...», то захотелось какой-то более профессиональной оценки своего творчества. Познакомился с преподавательницей из местного педуниверситета. Ей лет тридцать – тридцать пять, не больше. А уже кандидат наук, филолог... Приятная собеседница к тому же, одинокая и симпатичная.

– Вы знаете, ваш сюжет интересен, однако, мне кажется, не прописан до конца. Вот ваш главный герой, он слесарь, а говорит, как старый московский интеллигент. Вот он одинок у вас, но это одиночество какое-то частное... А вы никогда не задумывались, сколько в мире одиноких людей? Вот вы... Вот я... И каждый из них одинок по-своему. Но в то же время, есть что-то общее, что объединяет их одиночества. Это, прежде всего, непонимание окружающих. А ваша героиня...

– Вы, наверное, правы... Только вот, образования-то у меня специального нету, потому и брожу, как впотьмах. Точно котенок слепой...

– А я вам книжки специальные дам, по теории прозы...

Книжки книжками, а жена не то чтобы приревновала, но при случае не преминула поддеть, – Опять к своей училке молоденькой побежал!..

– Побежал, тебе-то что?

– Скатертью дорога... Слушай, а может ты насовсем туда переедешь?

– Будешь пилить – перееду.

– Дурак!..

– Сама...

– Вот и договорились.

Слова словами, а осадок в душе остается. Как-то психанул Человек, взял да и переехал к училке. Сначала все вроде бы наладилось, но сын на него сильно обиделся. За мать. Совсем разговаривать перестал. Да и сам он себя виноватым чувствовал.

– Ты пойми, сынок...

– Не хочу. Сами накосячили, сами и понимайте.

– Не надо сердиться, всяко в жизни бывает.

– Всяко да не у всех.

Словом, запил Человек. Училка терпела, терпела, да только любому терпению конец приходит, собрала вещи – вот Бог, вот порог!

Куда идти? Не к жене же возвращаться... К сыну тоже стыдно. Вот и пошел бомжевать.

Сначала в теплотрассе жил, потом менты забрали: месяц отсидел в приемнике, выпустили. Теперь вот поселился в подвале, здесь вроде не трогают, да и соседи не гонят, понимают...

Не знаю, как Марковна узнала такие подробности о нем, человек-то он неразговорчивый, впрочем, город у нас тоже небольшой, поэтому – сам не расскажешь, люди за тебя расскажут. От слухов и сплетен так же, как от сумы и тюрьмы зарекаться не стоит.

Однако и мне как-то удалось однажды спровоцировать его на откровенный разговор. А было это так. Моя жена задержалась на работе. Настроение у меня – паршивое, сидел в окно глядел. Все та же решетка – этаж-то первый; все та же рябина – синицы ее изрядно пообклевали, да и часть ягод на асфальте уже лежит – бардовые на сером; все та же тоска осенняя, правда запоздалая уже, вот-вот зима созреет.

Выпить захотелось жутко. Позвонил одному товарищу, нет его, второму – та же история, одному пить – негоже. Взял водки и пошел к Человеку в подвал. Почему к нему – сам не знаю.

– Пришел. – Он как будто ждал меня.

– Да вот, зашел... – не то чтобы промямлил, но несколько обескуражено сказал я.

– Доставай. – Заметив мою нерешительность, он уже более доброжелательно сказал. – Не печалься, ко мне многие приходят, так что не стесняйся, присаживайся.

Он назвал фамилии нескольких людей, которые бывали у него «в гостях», так же, как я – заходили просто выпить, поговорить. Это были известные в городе люди: директор завода, предприниматель, даже артист один, – Они ко мне приходят, когда идти больше некуда... – Подвел он итог.

Мы уже выпили с ним граммов по сто пятьдесят, закусили хлебом и помидорами, они у него в подвале, будто не переводились.

– Вот так и живем: в сырости и серости, без любви, без надежды, без веры... Жену у меня Верой звали... – он, словно, не знал с чего начать разговор, а что поговорить ему хотелось, я это понял.

– И что жена, одна теперь живет? – Неуклюже, в лоб спросил я.

– Жена-то... да нет, конечно же, не одна. Нашла себе мужика... Мой прежний друг... Из моей бригады... На Севере вместе котлы ставили...

Я понял, что эта не та тема, которую ему хочется обсуждать. Но спросил, – А училка?..

Видимо, водка вконец заглушила во мне элементарное чувство такта. Но Человек и на это не обиделся. Мне показалось, что ему самому было необходимо выговориться...

Он будто даже не особенно удивился моей осведомленности, – Марковна?.. Ясно. Старая сплетница... Училка... Странная она была. Говорила все правильно, возвышено, о литературе. Не просто так, все в масштабах вселенной. А когда деньги считала, ну ни дать ни взять чистый ростовщик. Я до сих пор не могу в толк взять, откуда в людях такое несоответствие мысли и быта. Не только в ней, во всех нас... – Он немного помолчал, как бы вслушиваясь в эхо своих

же слов, потом продолжил. – А молодость... молодость она свое берет. Чего ей со мной-то, со старым: ну интересы общие... опять же записался я, и никакой гарантии, что смог бы остановиться: интересы интересами, но это же еще не все... Нашла она себе молодого, из «новых», короче, бизнесмена. Родила недавно, дочку. Живут...

– Ну ладно, бабы, про них разговор особый, а сын-то что?..

– Сын... – Человек задумался. – Хороший он у меня. – По-доброму как-то сказал, по-доброму и улыбнулся о своем.

– Хороший? Так чего ж ты тогда здесь в подвале!?. – Невольно вырвалось у меня.

Я и сам пожалел, что вырвалось, однако, Человек был спокоен, – Я недавно с ним встречался... Он меня к себе жить зовет, даже настаивает, чтобы к нему переехал. Только я сам не хочу. Зачем это нужно – у него своя семья, своя жизнь. Чего ему жизнь портить, мешаться там. Да и не привык я как-то приживалкой, всю жизнь ни у кого не просил, сам себя обеспечивал, на кусок хлеба всегда зарабатывал... Ты не думай, я и сейчас, хоть и живу здесь, но пенсию какую никакую получаю...

«Скорее никакую», – мелькнуло у меня в голове. Он словно понял, о чем я подумал в этот момент, – Да, конечно государство, мягко сказать, «кинуло» нас. Люди столько труда отдали, как говорится, на благо Родины... А государство... государство просто присвоило их труд. В итоге все мы ни с чем остались. Но ничего, переживем и эту беду, на хлеб мне пока хватает, хоть и без масла... Ты не думай, у меня и паспорт есть... – Он почему-то вдруг засуетился, подался вперед к шкафу, видимо и вправду захотел предъявить мне документ.

– Че я, мент тебе что ли. На фига мне твой паспорт. – Вовремя остановил его я.

– ...ты знаешь, – после долгой паузы продолжил он, – я как-то в последнее время часто задумываюсь, откуда у меня все несчастья идут, почему не кончаются... Прямо сплошная полоса какая-то. А недавно осенило, когда сын после школы с нехорошей компанией... с хулиганами связался, я его из милиций ночами вытаскивал, до греха доходило, говорил ему: «Посажу твоих друзей в машину, увезу и больше ты их не увидишь!» Просто измучился. Слава Богу, удалось убедить. Когда потом, после института уже с работой маялся, когда только жить начинал своей семьей... Я тогда все Бога молил, чтобы отвел Он от парня все несчастья, говорил Господу: «Пусть уж лучше все это на меня ляжет. Пусть мне все, что ему назначено плохого, выпадет. А он молодой, ему жизнь строить надо...» Видимо, как просил, так и случилось. И хорошо это, и правильно...

– И что?.. – Я буквально опешил от его признания.

– И ничего. Все есть, как есть: справедливо все. Не в отказ же теперь идти:

все что просил – получил. О чем еще просить, чтобы назад все вернулось – ему маету, мне жизнь беззаботную?.. Глупо.

Мы замолчали. Он, видимо, потому что все сказал, я – просто потрясенный свалившимся на меня признанием.

Холодными осенними вечерами часто задумываюсь – отчего такой повышенный интерес к нему. У меня. У тех, кто заходит к нему время от времени выпить?..

Может быть, он – живое напоминание того, что не все в жизни всегда гладко и однозначно, любой из нас может оказаться на его месте. Возразите?.. Я промолчу.

О другом – разговаривая со Всевышним, особенно, когда что-то просите у Него, обдумывайте свои просьбы, пожалуйста, даже, если они вполне искренни и идут от самого сердца. А если уж точно надумали просить, – потом не раскаивайтесь, не ищите виноватых. Их нет. Просто так все устроено в этом мире.

Отчего у меня мысли такие, тоска эта?.. Может просто осень остаточная дотлевет. А может что еще... Снег, слава Богу, лег и укрыл все лишнее. Теперь – белизна в окне необыкновенная, ослепительная. Только рябина.

Накипь рассказ

Осень запозднела быстро, точно торопилась куда. Казалось, вчера ещё стояло золотое бабье лето, когда листья на тополях не совсем опали, но воздух уже отстранённо-прозрачен, и небо глубокое, синее, торжественное небо. А поутру нынче, заложило всё кругом чем-то тяжёлым, свинцовым, низким. Холодно, и дождь моросит мелкий, противный, не прекращается. Вот уже и в дом промозглость проникла, и в душе – холодно, неуютно.

Несмотря на непогоду, сегодня, как обычно, Валентина Сергеевна с утра чайник чистит. Чайник – старый, вместительный, с массивной черной ручкой, когда-то красивый, блестящий. Только сейчас, глядя на него, об этом даже и вспоминается-то с трудом, поверхность толстым слоем копоти покрылась, а внутри – накипь на стенках. Чистить его, конечно, дело бесполезное, вроде немного отгёр, даже какой-никакой блеск будто бы проявился снаружи, но – вскипятил в нём воду разок, и снова он тёмный, закопчённый, неприглядный.

Однако Валентина Сергеевна чистит. Сначала снаружи содой оттирает, потом кипятит с яблочными шкурками, при этом накипь внутри от стенок кусками отваливается. Потом сливает воду, ополаскивает чайник, и снова трёт его снаружи содой. И так – изо дня в день.

Дочь постоянно Валентину Сергеевну за это упрекает, – Чего ты, мам, трёшь старьё это. Давно выбросить пора! Гляди, уж скоро дыры прошоркаешь. Есть же новый чайник, электрический, мы ж тебе его на день рождения и подарили... Зачем тебе этот-то!?

– Да привыкла я к нему как-то...

Дочь не понимает, молчит. А ей действительно жалко, этот чайник – родительский, она его ещё из Чапаевска с собой привезла, когда сюда после техникума по распределению приехала.

Частенько вспоминает Валентина Сергеевна, как техникум окончили, как гуляли с подругами, с парнями-сокурсниками вдоль берега реки, окончание отмечали. Вина немного выпили, не без того, как-никак взрослые уже – дипломированные специалисты!

Валя тогда во второй раз в своей жизни вино попробовала, первый – на Новый год родители ей шампанского налили немного, так тогда она даже не поняла.

А тут – дипломы! Никто их не контролировал, и она как-то быстро захмелела. Голова приятно кружилась, язык смешно заплетался, говорила много, правда, то и дело перескакивала с одного на другое. О том говорила, что теперь новая самостоятельная жизнь у них начинается, как это здорово... скоро она в Сибирь поедет на строительство нового химического комбината, сама на распределении напросилась...

С Сашей помнит, как целовалась, это с тем мальчиком, что в техникуме дружила. Только вот он её решение не одобрил тогда, насчёт Сибири. Как-то так неопределённо расстались: не чужие, но и не друзья. Она в Сибирь поехала, а он в Москву – дальше учиться.

Дома, когда родители её собирали, ворчали сильно, но у неё-то самостоятельность уже в голове разыграла, – Пап, мам, ну что вы меня как маленькую обхаживаете! Сама всё и соберу!

Впрочем, со стороны родителей возражения категорически не принимались. Отец её, Сергей Гаврилович мужик был правильный, старых, домостроевских устоев, – Ишь, са-а-ми... с усами... Ну-ка, дочь, не перечь родителям! Чай не чужу девку, дочь родную в дальние края собираем. В Сиби-ирь... Поехала – не спросилась, теперича терпи, будь добра... А то – сами!.. – И жене уже. – Мать, слышь чего, собирай давай дочь! И чтоб всё как положено!..

Всегда в семье так было, отец сказал, значит, так оно и будет. И мать засуетилась сразу – бельё тёплое, носки шерстяные, варежки, валенки... Пирожков опять же в дорогу разных

наложила, сала кусок... Вилку, ложку, кружку... И чайник вот этот. Чемодан да сумка всяческого добра получилось.

Ехали весело, она и ещё человек десять выпускниц Чапаевского техникума. Настроение у девчонок было самое что ни на есть романтическое. На новое место ехали, все как один с новыми, только что полученными дипломами, новый комбинат строить, и запускать. Молодые, красивые, шумные...

Всю дорогу Вале Саша вспоминался, поцелуй их прощальный. Ну что ж, не захотел он её тогда понять, не поддержал, значит, не судьба им вместе дальше по жизни идти. Как поётся: «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...»

Веселье и общий подъём царили в купе, девчата не утихали всю дорогу, шумели, песни пели, у одной из них – Надежды гитара с собой была, и играла она на ней неплохо. Наперебой рассуждали, как устроятся, как работать будут... Что за город такой там, на самом краю Сибири, в котором такую химическую громаду-комбинат построить решили? Вопросов много было, ответов на них пока – увы... Но никто и не думал сомневаться, что всё обязательно наладится – всё, в конце концов, хорошо будет. Соседи по вагону на девчат не сердились, напротив, смотрели понимающе, улыбались, спрашивали, – Валенки-то, девчата, не забыли? В Сибири без валенок худо.

– Взя-яли валенки!.. И калоши взяли...

И звучало в вагоне: «Едут новосёлы по земле целинной...».

На перроне у небольшого старинного здания вокзала снег был не чищен, видимо только выпал, не успели убрать. Здесь встретил их молодой парень в солдатской ушанке с дырочкой вместо кокарды, в новом ватнике, сам немного нескладный, часто снимал очки, протирал их меховой рукавицей, снова надевал, и они тут же почти моментально затягивались полупрозрачной инеевой плёнкой.

– Здравствуйте, девчата! Из Чапаевска?

– А что, похожи!? – Отвечала за всех самая бойкая на язык Надежда.

Спросила, а сама так вызывающе на парня глядит, с лукавинкой в уголках глаз.

– Ну, факт. Из Чапаевска. Сразу видно, бойкие такие. – Утвердительно кивнул парень, себе ли, ещё ли кому.

– Пряма-таки, и факт... Смотри-ка, какой глазастый! Всё сразу и рассмотрел.

– Надежда глазами смеётся, а сама ждёт будто, что он ей ответит. – А ещё чего увидел?

– Ну ладно, девчонки. Я тут начальник по кадрам. Вот вас и встречаю...

– Надо же, по кадрам!.. Больно молод, для начальника-то...

– Да какой есть. У нас тут все молодые, со всех концов страны. – Парень нисколько не смутился. – Степан – я.

– А я Надежда, стало быть. – И руку ему манерно протянула. – А скажите, товарищ начальник, отчество у Степана есть?

– Е-есть... Николаевич... – Немного-таки смутился парень. – Можно и без отчества. Короче так, девчата, сейчас все идём в библиотеку...

– Вы, Степан Николаевич, нас кадров-то, поскольку главный вы по нам, по кадрам, как говорится, сначала накормите, напоите да спать уложите!.. А потом уж и книжки читать будем! Вместе. Про любовь... – Никак не сдавалась Надежда.

Девчонки с любопытством следили за их интересной шуточной перепалкой, чего это Надежда?.. Неужто, понравился Степан?..

– Вот я и говорю, в библиотеку сейчас идём. Там и покушаете, и расположитесь...

– В библиотеке?..

– Ну да, общежитие-то у нас ещё не достроено. Вот и будете в нём сами себе комнаты штукатурировать да обустраивать. А пока, девчонки, в библиотеке пожить придётся...

– Ладно, – нехотя согласилась Надежда, – веди уж в библиотеку хотя бы, Нико-ла-ич. Читать будем!..

Дочь у Валентины Сергеевны по её стопам пошла, политехнический институт окончила, здесь же в городе. Тоже теперь на комбинате трудится, вернее в одном из ООО – обществе с ограниченной ответственностью, из тех, что теперь от комбината остались. В техотделе. Место не пыльное, хоть работы и много, но всё – не в цехе, всё гадостью не дышать. Сама-то Валентина Сергеевна знает, что это такое – зимой в цехе мёрзнуть, летом жариться да нитроглицериновыми испарениями дышать. Как-никак всю жизнь она на формовании проработала, пороховые шашки делала. С тех пор на всю жизнь запомнила она – чем порох пахнет.

Сын у Валентины Сергеевны тоже при месте, он-то ещё раньше дочери отучился, правда, не по специальности работает, но тоже в ООО, в отделе рекламы. Всё больше по командировкам да по выставкам мотается, а так, когда не в отъезде, – у компьютера сидит. Или рекламу выдумывает, или отчёты пишет да планы разные составляет. Словом, хоть и на бывшем химическом комбинате, но химию тоже, как и дочка, пока не нюхал. Да и – даст Бог – ни к чему детям это...

Про их семью раньше не раз и в многотиражке писали, мол, есть такая рабочая династия. Про то, что они с мужем и строили всё здесь, тут же и познакомились, и химии «поглотали» в своё время, оба на пенсию по вредности с комбината пошли, – это факт. А вот сын с дочерью... Хотя понятно, время теперь другое, жизнь другая, другие и ценности...

Муж Валентины здесь же, мастером у слесарей в управлении последнее время трудился. Раньше-то, до пенсии Дмитрий Викторович в цехе вредный стаж выработывал, сначала слесарем, потом институт заочно окончил. После окончания мастером его сразу поставили, потом, через некоторое время, начальником участка, а уж перед самой пенсией – год начальником цеха был, чтобы зарплата побольше была, и пенсию побольше насчитали. Да только недолго он эту пенсию получал, оформил, перевёлся в управление – двух лет не проработал. Сказалась-таки химия, рак лёгких у Дмитрия обнаружили. Буквально за два месяца сдал, на нет сошёл, похудел, осунулся, смотреть страшно. И лечение не помогло, говорят, поздно хватились, раньше, мол, надо было к вам врачам обращаться. Словом, похоронила она Дмитрия...

Сама сейчас на пенсии, но пока работает тоже в ООО, в отделе метролога, бумажки с места на место перекладывает. Так полегче, конечно, и на людях вроде весь день, всё не одной дом опустевший сторожить. Да и на одну-то пенсию нынче не очень-то проживёшь, хоть и ветеранская она...

Самая первая из них, из чапаевских, Надежда замуж выскочила. За того самого начальника по кадрам, который их на перроне встречал. Буквально, через три месяца как приехали и выскочила.

Парень он хоть и нескладный на вид, но умный шибко. Одна закавыка была, фамилия у парня – Дураков. Как Степан Надежду ни убеждал, наотрез она свою фамилию на мужнину менять отказалась, так и сказала прямо, – Знаешь, Стёпа, хватит нам в семье одного Дуракова... А дети у нас все Пичугины будут.

Степан поморщился-поморщился недовольно, но и свою фамилию на Пичугин тоже менять не стал. Так рассудил, отец – Дураков был, мать – Дуракова, жили же они, и неплохо жили, в мире и согласии, вот и он проживёт как есть – Дураковым. А что до детей, он не против, пусть жена их на свою фамилию пишет, как нарождаются.

Свадьбу гуляли вскладчину. Степану и Наде в новом общежитии отдельную комнату выделили, по тем временам – повезло, другие-то девчонки по четверо жили в своих комнатках. А тут – одна на двоих. Богатство!

– Ничего, – Степан Надежду утешал, – Скоро новые двухэтажки сдавать начнут, там мы с тобой обязательно квартиру получим, двухкомнатную.

– Скорей бы уж. – Вздохнула Надежда. – А то так детишек-то сюда в общагу и принесем...

– Каких детишек? Что – уже?.. – Степан даже растерялся.

– А ты и испугался сразу? – Надежда с хитринкой глядела на него, точно безмолвно смеялась про себя. – Надо же, главный по кадрам, а откуда кадры берутся, не знает...

– Ты не юли, прямо на поставленный вопрос отвечай! – Настаивал Степан.

– Уже?..

– Пока – ещё... Но, как говорить, дурное дело не хитрое, и одной ночи хватит...

– Почему дурное? Ничего не дурное, я ж только – за... А квартира... говорят, в следующем месяце начнут трехэтажки заводские сдавать, сначала, конечно, тем кто с детьми ордера дадут, но, глядишь, месяца через четыре и мы получим...

– Скорей бы...

На людях Дураковы-Пичугины часто так шутливо перебранивались промеж собой, но жили дружно, девчата, Надеждины подруги, те, кто ещё не успел замуж выйти, им завидовали по-хорошему, а Надежде говорили:

– Счастливая ты, Надюха! Вон, какого парня отхватила, и при должности, и при тебе теперь... жить да радоваться!

– А мы и радуемся. – Задорно отвечала Надежда. – Весь день радуемся до самого вечера и каждую ночь...

Среди подруг, недаром слыла она лидером, бойкий, порой задиристый характер, нередко привлекал к ней внимание и комбинатовского начальства. Уже через неделю после начала работы назначили её бригадиром на строящемся участке формования. Они, выпускницы Чапаевского техникума, специалисты-пороховики, вынуждены были тогда осваивать новые для себя специальности. Мастерская формования только-только строилась. Конечно, монтажом занимались специалисты подрядного специализированного управления, а вот к строительству девчат привлекали активно. Рабочих на стройке не хватало, несмотря на то, что на возведение комбината была мобилизована молодёжь многих близлежащих сёл. И они, будущие аппаратчицы, наравне со строителями были здесь и штукатурами, и малярами, и разнорабочими.

Командовать у Надежды получалось хорошо. Девчата слушались её с полуслова, работа спорилась, а после работы, когда они ехали домой по узкоколейке на специально оборудованном вагончике, который утром доставлял людей до стройки, а вечером вёз обратно, Надежда устраивала своеобразную политинформацию. Видимо, они со Степаном дома по вечерам не только о пополнении семейства думали, порой Степан рассказывал ей и всё, что сам слышал в коридорах комбинатовской власти. А уж Надежда потом добросовестно вводила в курс дела своих подруг. И то верно, всё лучше, чем молча ехать, и дорога короче, и усталости как не бывало:

– Вот почему здесь комбинат строить решили? – Начинала она. – Уроки Великой Отечественной...

– Скажешь тоже, причём здесь война...

– Точно. Вспомните, девчонки, в самом начале, когда наши отступали, сколько сюда, в Сибирь, предприятий эвакуировали! Здесь же практически вся промышленность из европейской части в те годы сконцентрировалась. И оружейная, и швейная – обмундирование для солдат тоже нужно же было шить... и даже спичечная фабрика... А как иначе!.. Потом-то, конечно, что-то вернули в Центральную Россию, на Украину, в Белорусь... А что-то и здесь осталось...

– Ну а комбинат-то причём? Он же с нуля строится.

– Вот тогда и призадумались светлые головы в нашем правительстве, дабы такого не повторилось, чтобы в случае новой войны не было нужды эвакуировать в спешном порядке из одного конца страны в другой целые заводы со всем оборудованием, с людьми – нужно их по всей стране рассредоточить...

– Теперь понятно, когда так доходчиво рассказала. – Кивали подружки, и тут же подначивали. – Не иначе, как твой Степан тебе про то всю ночь объяснял, всю государственную стратегию и тактику...

– А вы чужие ночки не считайте, подружки! У нас со Стёпой на всё, про всё времени хватит. И про дело поговорить, и... Будьте спокойны, уж кадрами-то мы страну обеспечим...

– Ну ты, Надюха, никогда в долгу не останешься! Палец тебе в рот не клади!

– Они все вместе смеялись, хоть и после работы, хоть и уставшие, но настроение хорошее, бодрое...

Шоркает Валентина Сергеевна чайник, а сама вспоминает. Когда цех к сдаче государственной комиссии готовили, всё в порядок приводили, красили стены, полы, драили все помещения.

Они в аккурат, с Надеждой обсуждали, что ещё сделать нужно срочно, а тут деваха к Надежде подбежала, молодая, из деревенских, из тех, что недавно только на комбинат устроились.

Подбежала и причитает, – Надежд Михаловна, Надежд Михаловна... Там у нас валики расплзаются... – Что причитает, о чём – ничего не понять.

Цыкнула на неё Надежда, – Не блажи! Говорили толком – где это у вас, какие такие валики?

– Ну красим которыми... Все облезли уже... Мы пол на пульте управления докрашиваем... Теперь нечем, не успеем к комиссии!..

– Пойдём, глянем.

Посмотрели. Действительно, материал, что на валиках, весь расплзаться начал, ворс полез и с краской на полу остаётся.

– Сейчас... сейчас... – Надежда начала лихорадочно прокручивать в голове варианты. – Сейчас... А-а!.. – Она махнула рукой, видимо что-то решила. – Сейчас приду! Иголку и нитки ищите! Быстро!

Валентина и девчонка, которая уже немного успокоилась, ничего не спрашивая, быстро кинулись в бытовку. Были уверены, Надежда что-то придумала, а уж иголка и нитки у девчонок в бытовой комнате всегда были под рукой, мало ли, иногда спецовку зашить надо бывает, или ещё что...

Надежда вернулась скоро, и Валентина буквально обомлела, глядя на неё. В руках подруга держала отпоротый каракулевый воротник от своего новёхонького модного чёрного пальто.

– Ты... ты... Как? – Она растерянно смотрела на подругу. – Это ж, Стёпин подарок?

– Стёпин, Стёпин... Чего встали, режьте напополам, да валики обшивайте! Времени мало...

– Ч-чё Стёпа скажет!?

– Чё-чё, не знаю пока – чё. Чё-то скажет, наверное... Не за воротник же он меня любит, я-то и без воротника – девчонка ничего себе!..

– Ну, ты, Надюха, даёшь!

– Даю... Даю... И вы давайте! Работайте уже...

Как выяснилось позже, Степан Надежде ничего не сказал, только философски пожал плечами, а на следующий день отнёс женино пальто в ателье, чтобы новый воротник к нему пришили.

А цех они подготовили вовремя, и приняли его члены комиссии без единого замечания. Пожилой, высокий с седыми висками генерал из министерства обороны, который комиссию возглавлял, в шинели с каракулевым воротником, в каракулевой папаше, поздоровался со всеми, причём с девочками тоже за руку, сказал:

- Ну, молодцы! Хороший цех подготовили, самим приятно работать будет.
- И молодецки подмигнул Надежде. – Теперь ждём от вас качественной продукции!
- Служим Советскому Союзу! – Не растерялась Надежда.

Генерал усмехнулся тепло, как-то по-отечески, и, прощаясь со всеми – осмотр здания был окончен, комиссию повели подписывать акт приёма в столовую – добавил, обращаясь к Надежде, – Служба – службой, дочка, а обед по расписанию. Заслужили мы обед...

Валентина замуж вышла на год позже подруги, поначалу она всё своего Сашу вспоминала, всё думала, почему он не принял её решение, почему расстались так глупо? Переживала. Но бурное развитие событий на новом месте, отвлекали её от прочих мыслей, и постепенно, все переживания притупились, отошли куда-то далеко на второй план, словно и не с ней это было, словно в какой-то другой жизни. Вокруг кипела стройка нового, важного для страны комбината, нужно было решать бытовые проблемы, связанные с обустройством на новом месте, с работой, с учёбой...

Как раз в то время, при комбинате открыли рабфак местного технического института, мастеров на производстве катастрофически не хватало, вот и решили подготовить их из рабочей среды, так сказать, из тех, кто уже был знаком с производством не понаслышке, и, конечно, хотел учиться дальше. Сначала поступали на подготовительные курсы. Было интересно, учёба многим давалась легко, тем более, у большинства поступающих за плечами уже было профильное образование. Да и руководство комбината, учитывая нехватку инженерных кадров низшего звена, наиболее зарекомендовавших себя в работе молодых специалистов, охотно назначало на инженерные должности – мастерами, технологами, но с обязательным условием, что они продолжат своё образование. Вот и Надежда с Валентиной руководили теперь разными сменами на одном участке, а по вечерам ехали на занятия, на рабфак.

Там, Валентина и познакомилась со своим Дмитрием Викторовичем. Парень был старше её года на три, окончил местное техническое училище, работал по специальности – слесарем в одной из мастерских на новом комбинате. Человеком Дима был работящим, серьёзным и ответственным, из потомственной рабочей семьи. Родители у него трудились на одном из эвакуированных сюда в первый же год войны промышленном заводе. Жили они в своем доме на окраине города, держали корову и кур. Когда родители были на работе, Диме приходилось управляться с хозяйством, так что, к труду парень был приучен с малолетства.

Немного поработав, после окончания училища, Дмитрий решил, нужно расти дальше, и поступил на рабфак. А после занятий, так получалось, он частенько провожал Валентину до общежития, тем более что и жили они с родителями неподалёку. Ну, и как это частенько бывает, провожал-проводал, а на третьем курсе, взял и сделал Валентине предложение руки и сердца. Сходили в ЗАГС, подали заявление.

И начались предсвадебные хлопоты, вот у Валентины смена заканчивается, нужно пройти посмотреть, проверить – всё ли в порядке. А мысли о другом – свадьба!.. Нужно же заготовить все, продукты закупать, платье белое обязательно, с фатой... Без белого платья она не согласна! В конце концов, первый раз замуж выходит, и хочется верить, что навсегда...

Задумавшись, зашла она на приёмку, чтобы выработку снять... а там никого нет. И конвейер остановлен уже, и пороховые шашки, которыми снаряды для «Градов» комплектуют, на специальных ложементках рядками выложены... Холодно на приёмке – она отдельно от здания в небольшом металлическом «теремке»... И – ни приёмщицы, ни грузчика...

«Не иначе, греться пошли в здание! – Подумала. – Придётся, наверное, поругать их для порядка!». Хотя понимала, попробуй-ка, постой в этом металлическом «теремке» шесть часов кряду, когда на улице мороз за тридцать. Хоть и двигаешься, хоть и изделия тяжёлые с конвейера снимаешь, выкладываешь на ложементы, обмеряешь их штангель-циркулем, всё равно холод под одежду проникает вкрадчиво, вроде и незаметно, но, чем дольше ты на морозе, тем сильнее каждую мышцу он пронизывает. А к концу смены вообще кажется, что его из тела уже ничем не выгнать.

«Ладно, – решила, – сильно ругать не буду, скажу, чтоб по очереди греться ходили». Вспомнила, как сама на приёмке начинала. Вот в такой мороз – вроде и семь одежек на тебе, и пимы тёплые, и носки в них шерстяные, и ватник толстый... – уложишь ты изделие на ложемент, оно тёплое, только-только с формовки, сядешь рядом с ним, прижмешься спиной прямо к пороховой шашке, будто к печке, и греешься, пока новое изделие к тебе с формовки не выползет по ленте конвейера...

Греешься, и забываешь, что прямо за спиной у тебя «его величество порох», с которым, как известно, не шутят, и ты с ним, чуть ли не в обнимку сидишь, как с милым другом. Но, не дай Бог, разряд электрический искоркой с тела проскользнет к шашке, вспыхнет она как свечка. Хотя и всё предусмотрено, вроде, чтоб избежать этого: и спецодежда вся, вплоть до нижнего белья – без всякой синтетики, и инструмент весь из дюралюминия выполнен, но как знать, за каким углом чёрт стережёт...

Так и работали, а куда деться, снаряды стране нужны.

Меняла Валентину – Надеждина смена. Всё Валентина Надежде в журнале расписала – выработку, параметры технологические, а потом ещё немного с подругой в бытовке посидели, чая попили.

– Ну как, к свадьбе-то готовишься?

– Ох, и не говори, подружка, забот – полон рот!

– Не печалься, справимся! Девчонки все помогут, чай – не чужие...

– Спасибо вам... Я-то, если честно, не знаю за что схватиться.

– Разберёшься за что, а там и схватишься. Ежели сама не разберёшься, мы подскажем: мужики-то, они, чай тоже, как и пороховые шашки, все по одному чертежу сделаны...

– Всё шутишь.

– Да только и остаётся. Ты вот, мне лучше скажи, после свадьбы к своему разлюбезному жить съедешь?

– Наверное... Мы как-то об этом ещё не думали.

– Не думали они... А со свёкром, со свекровью у тебя как?.. Принимают они тебя?

– Не знаю пока, я и была-то у них раза два, и то мельком...

– Ты подруга, пока время ещё есть, этот вопрос изучи. А то не жизнь будет потом – сплошной Содом с Гоморрой...

– Ладно... – Отмахнулась Валентина, и то верно не до того ей было, другие хлопоты в голове.

К слову сказать, с родителями мужа у Валентины сразу заладилось, мать его Матрёна Ивановна в первый же утро, после того как молодые к Дмитрию переехали, невестку в оборот взяла, мягко так, по-свойски, но уверено:

– Ну что, Валюша, мужики пока по хозяйству управляют, давай-ка завтрак им сготовим. А то сейчас придут голодные... – Сказала, словно невестка здесь в доме уже всё знает.

И сразу как-то у Валентины всё на место встало, а ведь, правда, сейчас Дима со свёкром скотину покормят, придут домой – их кормить нужно, чай с вечера ничего не кушали. Она живо вошла в процесс, салат свежий нарезала, спросила у свекрови, – Что ещё?

– Да пойдёшь на стол накрой, сейчас придут уже, я вот тут им картошечки пожарила свежей, ты укропчиком сверху посыпь, отец у нас любит, когда с зеленью.

Свёкор, Виктор Дмитриевич, после того как руки с Димой они помыли, сел неторопливо во главе стола, как бы строгим взглядом стол оглядел молча, головой кивнул. Все остальные тоже к столу подсели, слева Матрёна Ивановна, справа Дмитрий, Валентина живо сообразила, её место рядом с мужем, тоже присела. Свёкор картошку попробовал, – Чё-то плохо ты меня любишь, мать, картоху-то недосолила... Дай-ка солонку.

Попробовал салат, – А невестка – молодец, уважает свёкра, соли как раз впору. – Улыбнулся. – Ладно, давайте подкрепимся слегка, а то до обеда далеко ещё...

И всё, последнее напряжение у Валентины словно рукой сняло, поняла, у каждого здесь свои обязанности, каждый своё делает, а все вместе они – семья, и она тоже отныне член этой семьи.

Чистит Валентина Сергеевна чайник, да вспоминает. Года через три после свадьбы у них с Димой сын родился. Как она радовалась, когда ей впервые малыша в роддоме кормить принесли: маленький, розовый весь, на руки его взяла с опаской – не дай Бог, неловко что-то сделаешь, ещё повредишь, а он, вон, как смешно глазки открыты пытается, да к титьке ротиком тянется...

Дмитрий, тот, когда Валентину с малышом из роддома забирал, тоже не сразу решился малыша на руки взять, боялся, пожалуй, даже больше чем Валентина поначалу.

– Ты чего? – Улыбнулась она. – Бери смелее, твой ведь сын...

– Маленький какой... – Дмитрий всё ещё не решался.

– Ничё себе маленький! Четыре с половиной килограмма потянул!.. Богатырь!

– Вот я и говорю, маленький... – Дмитрий наконец-то осмелился, взял сына на руки. – Витькой будет.

– Витенькой, стало быть. – Согласилась Валентина.

Дочь у них спустя два года родилась, к тому времени они уже от родителей съехали, как раз перед этим им новую квартиру дали.

А дальше, жизнь как жизнь, как у тысяч других знакомых, не лучше и не хуже: детей растили, поднимали, на ноги ставили... а там, не успели оглянуться, а уж и внуки пошли, сначала у старшего, Виктора девочка родилась – Марина, потом у Светланы, у дочери – сын, Антошка.

С рождением внуков, вся жизнь как-то иначе восприниматься стала, приоритеты поменялись. Раньше что было – на первом месте работа, куда от неё денешься, надо детей обеспечивать; потом – дом, дети, приходишь с работы усталый, а нужно с сыном или с дочерью уроки делать, в школу опять же сходить, учитель зачем-то вызывает... но – это после работы.

Теперь по-другому всё. В первую голову заботы – у Маринки температура повысилась, простыла, наверное, в садике... Антошка всю ночь не спал – плакал, зубки, видать, режутся... Порой, и с работы отпросится приходится, чтобы с кем-то из внуков в больницу сходить. Сыну-то с дочерью – некогда...

И всё бы ничего жилось, да что-то непонятное вокруг происходит теперь, жизнь меняется, да как-то уж больно резко. Страны той не стало, в которой с рожденья жили, которую строили вот здесь – в Сибири... Столько сил отдано!..

Но сообразили новые «правители» на троих, посидели где-то в Беловежской пушце, попили водки, да всё за всех по пьяному делу и порешили. А то, за что народ проголосовал на референдуме, на то, как говорится, с прибором положили...

Комбинат опять же, который они всем народом строили – половина цехов позакрыли, говорят, не нужен больше порох стране, мол, мы теперь с американцами дружить будем. Вто-

рая половина – в различные ООО переделали, работают они еле-еле с грехом пополам. Там, где сложнейшее оборудование делали – ложки да кострюли теперь штампуют, где заряды для ракетных двигателей вулканизовали – шампиньоны выращивают...

Вот и Дима её не вынес этих перемен, заболел. И умер. Опять почувствовала, как слёзы к глазам подступили, всегда так бывает, как мужа вспомнит. Лучше уж о другом о чём-нибудь.

Вот подруга её, Надежда, которая к тому времени Степана своего тоже схоронила, она в этой новой комбинатовской реальности ко двору пришлась. Своих детей им как-то со Степаном Бог не дал, то ли не очень постарались они, то ли ещё что, вот вся энергия, особенно после смерти Степановой, у Надежды в карьеру ушла.

А тут ещё, года три назад, встретила Валентина в бывшем комбинатовском управлении – даже глазам не поверила! – Сашу. Того самого. С которым в Чапаевске на выпускном целовались.

И он её узнал почти сразу, глаза у Саши округлились, заикался даже:

– Т-ты?..

– Я-а... – Валентина не сразу сообразила, как ей себя с ним держать, с одной стороны, можно ему былую обиду припомнить, как он с ней в Сибирь тогда не поехал... с другой – сама ведь она тогда сюда напросилась, да и столько времени прошло... – Не узнал?

– Узнал.

– Ну, и хорошо. Ты откуда? По каким делам к нам в Сибирь? – Всё-таки не сдержалась, слово «Сибирь» нарочито подчёркнуто произнесла, по слогам.

Он понял, но сделал вид, что – нет, ответил спокойно:

– В командировку. Я теперь в министерстве работаю, ваши предприятия курирую. Нынче реорганизация у вас на комбинате намечается...

– Как это?

– Да так, акционировать предприятие будут, так сказать разгосударствление собственности...

– И что?

– Да ничего. То государство хозяином комбината было, теперь, вот, вы будете...

– Мы?

– Ну, люди... Все работники какие-то свои доли получат. Потом, кто захочет, сможет свою долю продать...

– Кому?

– Кому-нибудь...

Валентина сразу отметила про себя, хотя и интересно ей Сашу снова увидеть, поговорить с ним, но особых чувств внутри не всколыхнулось. Спокойно как-то всё, словно и не было ничего никогда.

Потом он в кафе Валентину пригласил. Её и Надежду. Как-никак в техникуме одной группе все троём четыре года учились.

А вот, Надежду Сашина новость про акционирование комбината очень заинтересовала. Весь вечер в кафе она у него всё живо выпрашивала, что да как. Телефоны его московские записала – и рабочий, и домашний.

А после его отъезда, так энергично за дело взялась, видать не зря спрашивала – и акции у людей скупала, и под эти акции собственность на одно производственное здание оформила. Потом оборудование откуда-то закупила – термопласт автоматы для производства разовой посуды, новенькие. Позже как-то она Валентине призналась, это Саша ей с оборудованием помог, по своим московским связям. Теперь они с Надеждой – компаньоны.

Открыла Надежда производство, и дело у неё пошло, спрос на разовую посуду оказался огромным. Развернулась она, настоящей хозяйкой стала, дочь, вот, Валентину к себе работать пристроила.

Смотрит Валентину на Светку, без очков видно, как дочь Надежде во всём подражает. Одевается как её подруга, разговаривает – ну, точь в точь – Надюха. Словечек этих, опять же, понабралась – «шопинг», «фитнес», «менеджмент», «маркетинг»... Даже походка у Светки такая же, как у Надежды, стала. Нет, Валентина не обижается, не ревнует вовсе, просто понять не может она эту новую жизнь, а стало быть, и принять многое из этого нового, непонятного.

А может и не надо понимать... Как обычно Светка в разговоре с матерью, когда аргументы исчерпает, говорит, – Мама, ну ты чё, ничё не понимаешь. Так надо!

Может, и правда, – так надо... Им, молодым, виднее.

Холодно нынче. Дожливо. Сыро в квартире, отопление дома пока не подключили. Неуютно как-то Валентине Сергеевне, вот и думает, что бы такое сделать, чтобы повеселее жить стало.

И мысль сама собой неожиданно возникла, наивная конечно, но средство испытанное: «А что, сварю-ка я сегодня борщ! Настоящий! Украинский! Как мама в детстве готовила, с мясной наваристой косточкой, с поджарками свинными, со сметанкой!.. Опять же, может и дочь с внуком придут, их тоже чем-то покормить надо...».

Она живо представила Светлану с Антошкой, хоть бы зашли... Впрочем, дочь как всегда занятая, наверное, торопиться куда-нибудь будет, и разговоры у неё все какие-то такие же торопливые – о ценах, о работе... И всё не сильно-то весёлые, мол, пошло-посыпалось, «акционирование да прихватизация», начальство, кто поближе к «корытцу с похлёбкой», теперь будто меж собой соревнуются – кто жирнее кусок от комбината себе отщипнёт, и всяк под себя загребаёт... Изменились, сильно изменились люди.

Вот внучёк, Антошка – тот тоже торопыга, не стой матери, тоже всё быстрее съесть норовит, чтобы к материнскому айфону скорей убежать, да там игры свои играть. Понакачал он на Светкин айфон этот разных игрушек из интернета, мать ругается: «Совсем всю память забил своими «стрелялками» да «ходилками», телефон вон теперь еле-еле шевелиться...».

Но всё равно, представляет Валентина Сергеевна, как они за столом сидят вместе, хорошо так, уютно, и борщ дымится красный, запашистый... И на душе у неё тепло.

Кинулась она в холодильник сперва, потом в ящик, где картошка хранилась, – ни свеклы, ни картошки нет, всё закончилось.

Придётся на рынок идти, благо недалеко.

Что делать, собралась, пошла. Сначала купила всё необходимое для готовки – пару килограммов картошки, с запасом взяла. Свеклу, морковку, лук... Решила через вещевые ряды пройти, всё равно по пути: «К тому же, надо бы Антошке носки шерстяные взять, а то осень уже, а он носится по улице в кроссовках, да в тоненьких носочках. Куда Светка только смотрит!.. Глядишь, застудится парнишка. Оно, пока молодой, ничего вроде, а потом годкам к пятидесяти вылезает всё – то спина ноет, то ноги ломит... По себе знает».

Народу на рынке немного, продавцов больше. Видимо, погода, не сильно-то в такой холод и слякоть по улице расходишься. Вон и продавцы даже, бабёнки, что помоложе, собрались у одного из стандартных железнодорожных контейнеров, которые приспособлены у них для хранения товара, чего-то кучкуются.

Молодые они, а на вид полные какие-то, ни дать ни взять – толстухи. Впрочем, поняла Валентина, это от поназдёванных на них одёжек. Подозрительно розовощёкие опять же бабёнки, явно не просто кучкуются, по всему видно – подогреваются.

И то верно, заметила Валентина Сергеевна, на прилавке пироги, сало да солёные огурчики разложены на пластиковых тарелочках, а откуда-то из-под прилавка, одна из бабёнок периодически пластиковый стаканчик «с подогревом» являет на общее обозрение. И все они по очереди опрокидывают стаканчик да закусывают тут же.

Валентина Сергеевна вспомнила себя, когда они работали на приёмке изделий, наверное, вот так же выглядели в своем многослойных одежах. Правда, подогреваться таким вот способом у них запрещалось строго настрого, и, хотя у сменных киповцев спирт для протирки приборов всегда присутствовал в избытке, они все хорошо понимали тогда – вот он рядом – порох, с ним не шутят.

Конечно, нельзя сказать, чтобы совсем не употребляли они спиртное, вполне даже выпивали, скажем, по праздникам, как все нормальные люди, или когда день рождения у кого-нибудь случался, о то и просто так, после смены в соседнем лесочке за проходной отмечали. Тем же самым «киповским» спиртом, который разводили они либо с кофе, либо на рябине настаивали, но выпивали строго с ведома начальства, да и само начальство тоже с ними не чуралось. Почему бы не выпить, но на работе – ни-ни.

Здесь тоже, греются люди, и греются, Валентина Сергеевна вовсе не осуждала девах, сама чувствовала, зябко нынче на улице, а им стоять и стоять здесь у контейнеров, чай, продавцы, не хозяйева.

Покучковавшись немного, выстроились девахи в одну нестройную, но весёлую шеренгу, растянули на двух палках какой-то транспарант, пошли по кругу вдоль контейнеров, разногласо невпопад скандируя: «И в снег, и в дождь – голосуй за Борщ!». Редкие покупатели смотрели на это шествие, кто удивлённо, как Валентина Сергеевна, кто с улыбкой, а кто и просто отрешённо, хмуро и устало.

Честно говоря, Валентина Сергеевна, знала, что скоро выборы в городскую думу, но не сразу поняла – за какой за такой такой борщ? Прямо спросила об этом у женщины, которая торговала вязанными шерстяными вещами.

– Ты что, подруга, – собеседница явно удивилась, – То ж – Анжелка Борщ – наш кандидат на выборы. Из наших деваха, тоже два контейнера держала, с нами здесь мёрзла ещё год назад. А потом сошлась с Аликом, который рынок нынче «держит», теперича, вот, поднялась, теперича у неё у самой пять магазинов. Она-то девчонкам на водчонку и «подбрасывает», чтоб, значит, они её пиарили. А девкам что, тоже развлечение, подогреются слегка, пройдут – прокричат, всё не просто стоять-мёрзнуть... Сама же видишь, покупателей-то нынче не очень... Опять же и водка, и закуска девкам – дармовые, им какая разница за кого кричать – за борщ или за щи с хреном...

Валентина Сергеевна пожалала плечами. Вспомнила, недавно собрали их – ветеранов бывшего комбината в музее трудовой славы, который ютился в подвале опять же бывшего комбинатского Дворца культуры, вспомнил кто-то из бывшего начальства, что ровно полвека назад комбинат выдал первую оборонную продукцию. Вот, и решили отметить. Городское начальство кого-то прислало с пачкой Почётных грамот, вручали, речи говорили. Валентина всё Надежду глазами искала, удивлялась, не было подруги в зале, неужто не придёт, хотелось увидеть, тем более, что последнее время встречались они не часто.

Потом всех пригласили в банкетный зал. Там столы на всех накрыты, колбаска порезана, бутерброды разные, прочая закуска. Вот тут то, Надежда и появилась. Как всегда шумная, весёлая, красивая, одета модно, с иголки:

– Всем здравствуйте! А чегой-то у вас на столах одна закуска стоит?

Только тут Валентина заметила, за подругой вошли в зал два молодых парня, они живо раскрыли коробки, которые держали в руках и стали расставлять по столам спиртное.

– Шикует барыня-Надя... – Услышала Валентина за спиной. – Всё молодится, водку народу выставляет... Почти как раньше купцы. Не иначе, как на выборы пойдёт!

– Пойти-то, пойдёт, к бабке не ходи... Только вот у себя на заводике зарплату людям задерживает. И так копейки получают, и те не вовремя...

Валентина знала, что рабочие на заводе, хозяйкой которого была Надежда, за глаза называют подругу «барыней-Надей», но мало ли кто как кого называет. Она обернулась, чтобы посмотреть на говоривших, но не смогла точно определить, кто это сказал, да и нужно ли это было – по лицам стоявших за ней ветеранов поняла, все они расценивали происходящее примерно так же, хотя молчали, и будут молчать дальше, говорят же, что терпелив русский народ. Зная, как сегодня живут эти люди, внутренне Валентина Сергеевна понимала эту их правду, более того, поскольку сама жила не лучше, была в душе солидарна с ними в этой их обиде на нынешнюю действительность, на это их сегодняшнее ощущение какой-то брошенности, собственной ненужности... Ведь, лучшую часть своей жизни они отдали строительству этого вот комбината, его росту, процветанию! А сегодня со всех сторон, со всех телевизионных экранов им, людям этим, говорят, кричат, пытаются внушить – что всё это было не то чтобы зря, но почти зря... Что жили они не так как-то... А как нужно было?

Здесь же, на торжественном Валентина спросила подругу прямо, когда выпивала с ней по стопке за «тот» комбинат, а правда ли, что Надежда в депутаты нынче баллотироваться будет?

– И ты туда же, подруга... Не парься зря! Лучше выпьем, давай, водка хорошая, прямо на заводе брала!.. – Надежда была явно возбуждена не то, потому что отдышаться не успела, только подъехала, не то от ощущения внутренней гордости, что вот так запросто, она может подарить людям весёлое настроение... Валентина подумала про это, но как-то мимоходом, про себя. Подумала, сразу и забыла – наверное, так надо.

– А что до депутатства этого, поверь, подруга, так надо... Не я, другие придут... Тут либо мы их, либо они нас. – Надежда не уточняла кто «они» и кого «нас», видимо это само собой подразумевалось, и ещё, Валентина себя на мысли поймала, словно и не Надежда, Светка ей это говорит. – Понимаешь, жизнь теперь такая пошла – не успел, стало быть, опоздал...

Странно это всё как-то, раньше, вот, агитаторы перед каждым выборами по квартирам ходили – Валентина это хорошо помнит, сама не раз агитатором была, по комсомольской линии их привлекали – рассказывали людям за кого им предстоит голосовать, что за человек. А теперь вот кандидаты народ водкой поят или по базарам митингуют, «про борщ» скандируют... Впрочем, сама себя она тут же опять и урезонила – видно так надо.

– Что делать, подруга, жизнь теперь такая пошла... – Словоохотливая продавщица словно повторила Надеждины слова. – Вот что ты думаешь, у Анжелки образование какое? Да пэ-тэ-ушное! И всяк про это сказать норовит... Да только, что с того, зато сумела она под жизнь правильно подлечь... Оно ведь, ежели разобраться, и Владимир Ильич, как говаривал, мол, каждая кухарка должна уметь управлять... А здесь не государство даже, всего-то небольшой провинциальный городишко!.. Анжелка тут точно порядок наведёт!..

Валентина не стала вступать в спор с женщиной, молча купила у неё Антошке тёплые носки, и поторопилась скорее домой. Уже вслед услышала, как торговка напутствовала её, – Чтоб, внучку не хворать, пусть носит на здоровье! – Женщина говорила громко, перекрикивая при этом доносившееся из центра базарчика: «И в снег и в дождь...».

Когда Валентина Сергеевна заходила домой, звонок телефонный прямо с порога услышала. Дочь звонила, сказала, что они с Антошкой сегодня не придут. «Шопинг» у неё, с подругой, по магазинам пойдут... а Антон пусть уроки учит, опять вон «отличился» – в школе троек понахватал.

Конечно, такое известие Валентину Сергеевну не очень обрадовало, но опять же урезонила себя – так надо. Да и привыкла она уже к подобному. У Светланы что... свои интересы, своя жизнь. Жалко вот только, внучка снова не увидит, теперь до следующих выходных, наверное.

– Свет, я тут Антошке носочки шерстяные купила, тёплые, ты хоть забеги на минутку, заведи...

– Потом, потом, мама, заведу. Мне сегодня совсем не по пути. Не пропадёт Антошка без носок...

Что тут ответишь, спорить с дочерью бесполезно. Одно на ум приходит – так надо.

Однако и борщ варить Валентине Сергеевне как-то расхотелось. Поглядела в окно. Холодно. Дожливо. Уже машинально, по привычке, взяла в руки чайник, с досадой подумала: «Опять закопился. И накипь внутри... Только вот чистила»...

Небо на троих рассказ

Май. Но погода снова не весенняя. Тучи зависли над городом, низкие, грузные, дородные, будто бабы на сносях. Вроде бы пора уже и теплом весне разродиться, да никак всё не случается, оттягивается на неопределенный срок. Были попытки, слегка солнышко проглядывало, но потом быстро пряталось, и снова холодная, злая, будто свинцовая крупка с небес просыпалась вперемешку с дождем. И потому, снег хоть и осел, почернел весь, но до конца так и не сходил, лежал тяжелыми угрюмыми ледяными пластами, как в летнике, лежал среди куцых, торчащих прутьями, насаженных вдоль домов, кустов сирени.

Из гаража, что чуть поодаль от детской площадки, несмотря на такую невесеннюю погоду, с утра доносится бодрая весенняя ругань. Калитка в гараже открыта настежь, и хотя самих говорящих не видно, отчетливо слышно каждое слово. Судя по всему их двое, и я даже знаю – кто они.

– Заладили по ящику: «Афган, Афган...»

Вот тебя звал кто в тот Афган!?

– Меня не звали, и не спрашивал никто.

Родина приказала...

– Родина... твою мать!..

– А что ты-то лично имеешь против Родины!?. Обидели его...

– Потоптал бы зону с моё, понял бы...

– Тебя звал кто на ту зону... Причём здесь Родина, если сам накосячил...

Это мои соседи с утра воют – летчик Нестеров и Коля Цыган.

Оба они по жизни мужики нормальные, в одном доме живём как-никак, но вот мирно у Нестерова с Колей никак не получается, сколько знаю все время они, не то чтобы собачатся, так переругиваются, но бесконечно и постоянно. Впрочем, друг без друга они тоже не могут, каждый день у Коли в гараже-голубятне сидят, особенно после того, как Нестеров на пенсию окончательно оформился. До пенсии-то он, как Цыган говорит, «деловой был», всё у него какие-то встречи, собрания, заседания— то в школе с ребяташками, то в библиотеке по поводу какого-нибудь очередного праздника – везде Нестерова приглашают. Впрочем, на пенсии он давно, им – военным летчикам пенсия раньше положена, но Нестеров до недавнего времени работал в комитете ветеранов.

Однако нынче отошёл он от дел ветеранских, махнул рукой, хватит, мол, пора и честь знать. Да и «мотор» сбоить стал, всё чаще напоминает о себе «налётанный» стаж. Так и говорит, – Налетал я своё уже. Теперь самое место с вами, с пенсионерами штаны просиживать...

Впрочем, зря Нестеров это, мне до пенсии ещё работать и работать, да и Цыган не на пенсии, какая пенсия ему, сроду нормально нигде трудоустроен не был, лет пять по зонам, десять – по шабашкам да северам, а сейчас он во вневедомственной охране служит, охраняет магазин – сутки через трое.

Он, Цыган хоть и дураковатый порой, но больше прикидывается, а иногда так выдать может, как с неба «привет» от голубки: прилетит – не отскребёшь.

Допустим, недавно про весну нынешнюю так высказался, – Весна нынче, что баба дурная – ни себе, ни мужику не даёт... Сеять пора, а погоды нету.

– Се-еять... Ты-то почём знаешь, кре-естьянин строгого режима!..

– Знаю значит. Не всё вам – полковникам!..

О количестве Колиных ходок можно судить по колотым перстням на пальцах, здесь-то вся «трудовая» его биография запечатлена.

Вообще-то в первый раз сел Цыган как все – по дурусти, с друзьями, такими же сопляками, как он сам был, киоск продуктовый подломили, и взять толком ничего не взяли, а шуму понаделали. Другие пацаны пошустрее оказались, убежали, а Колю повязали с поличным. В ментуре молчал он геройски, никого не сдал. Вот и перстень на пальце у него с солнцем, которое из-за черного треугольника наполовину выглянуло – память о малолетке.

А вот другой, два квадрата чёрный с белым – «не подам руки менту», стало быть. У него тоже своя история. Этот перстенёк ему на взрослой зоне земляк Васька-тубик наколол. Васька потом по УДО откинулся, да недолго воздухом свободы дышал, так всё и кхыках, пока в туберкулёзке месяца через два не загнулся.

Есть у Цыгана и полный чёрный квадрат, это когда «от звонка до звонка».

Тут вообще грустно, рассказывать не хочется... Впрочем, Коля и не рассказывает про зону, ничего и никому. Это уж я так по секрету знаю, почитай с самого детства вместе растем, только он старше чуть, потому и может себе позволить со мной этак «на правах старшего» разговаривать, допустим, скажет, – Чего расселся, сгоняй-ка за пивом!

– Тебе приспичило, сам и сгоняй.

– Молодёжь, мать твою...

Коля замолкает. Не то чтобы обиделся он, просто, о чём со мной таким грубым и нечутким разговор вести. Получается, что не о чем, если я даже его элементарной утренней похмельной дрожжи по-человечьи посочувствовать не могу.

Мы заполняем вынужденную паузу, курим. Сидим у Колиного гаража-голубятни, который он недавно откуда-то притащил сюда к дому. Обыкновенный железный гараж, небольшой, старый, внутри его Коля старыми матрацами обшил, чтоб голуби зимой не мерзли. Голубей у него много: белые, сизари... гладкие, с лохмами на ногах, будто в сапогах с отворотами сидят на шестке...

Голубей Коля любит, а когда запустит всех их сразу в небо, – уставится вверх распахнутыми, голубыми с хитринкой глазами, такие обычно у детей бывают, когда увидят что-то радостное и необычное, – Гляди-гляди, парочка белых вверх пошла! Чисто самолёты!..

Вот и сейчас захожу в гараж-голубятню, вместо приветствия говорю, – Сидим...

– Сидеть сам будешь, когда посадят. – Это Коля. – А мы здесь делами заняты...

– Понятно, деловые... На двоих соображаете?

– А ты чё, третьим встрять хочешь? Сгоняй-ка за пивом!

– Тебе приспичило...

– А-а... – Коля машет рукой. – Молодежь... Дождёшься от тебя. Ладно...

Цыган бросает взгляд вверх, говорит нам с Нестеровым, – Гляди-гляди, белые... Самолёты!..

За голубями, конечно, лучше в хорошую погоду наблюдать, когда небо чистое, не такое как сегодня. Но даже на фоне этих темнеющих туч, парочка белых – просто красавцы, и тучи только подчёркивают контраст этого их полёта с громоздкой неуютной сиротливостью в природе и в душе. Нестеров с утра немногословен, а тут как-то вообще замолчал, задумался надолго, глядя в небо...

В 1988 назначили Нестерова командиром эскадрильи, а буквально месяца через два вызвали в штаб и сказали: «Так, ребята, готовьтесь, надо менять в Афгане полтавский полк!» Неожиданно прозвучало. Но приказы не обсуждают. «Вот – маршрут перелета. – Говорят. – Собирайтесь. И – вперед! Жить будете в гостинице, так что мягкие тапочки не забудьте...»

Как сейчас помнит Нестеров, прилетели на место, аэродромчик маленький. До них на этом аэродроме истребители базировались. Как садиться? Взлётно-посадочная полоса 2,5 км длиной на 32 м шириной, совсем даже не для тяжелых самолетов. Допустим, если сравнить,

с Семипалатинской полосой, там 4 км на 80 м. А тут... Конечно, сложно было, но привыкли. Потом уже нормально и садились, и взлетали.

Маршруты там, в Афгане короткие складывались, потому летали не с полной нагрузкой: заправку керосина определяли по расчетному времени полета, и по боеприпасам – обычно брали две бомбы трехтонки или четыре полуторки. Вообще-то, 24 тонны на такой самолет навесить можно...

Бомбили в основном по ущельям. Сбросишь бомбы вниз – снег сойдет, и всех духов вместе с техникой в ущелье сдувает. Задача выполнена, путь для наземных войск свободен... Или еще дают им координаты, мол, база тут. А там – одни скалы, в них ходы да пещеры понаделаны. Ударишь по этим скалам, всё породой и засыплет. Говорят, те завалы, которые они с товарищами понаделали, лет тридцать разбирать надо...

Иногда Нестеров дома, когда один, фотографии афганские перебирает, впрочем, и без фотографий эти картины у него до сих пор перед глазами: вот бомба-девятитонка, когда она вниз уходит, самолет точно на волне вверх поднимает, а рядом с ней правый летчик Витя Стахов, Саша Голбенко, его заместитель, и он – Нестеров. Или вот, один летчик из их эскадрильи на цветную пленку снимал, пара в небе идет – красиво!..

Так же в Афгане шли они парой, с Василием – товарищем по учебке. Нестеров даже ничего понять не успел, самолет друга вдруг задымил и пошел резко вниз. В Баграме это было...

Как потом Нестеров понял, это афганцы из стингера сработали, из-за сопки. Они с Василием только на взлет пошли, высоту набирать, а тут... Из стингера далеко – до четырех километров – самолёт достать можно. Что греха таить, поначалу духи тамошние только так наших и щелкали.

Это потом уже наши отработали «афганскую» систему посадки, выводили самолет над точкой и снижались по спирали диаметром не более трех километров. С заданной скоростью, с выпущенными шасси, с выдвинутыми закрылками...

То ли в связи с этим, вспомнил Нестеров забавный случай, застал он как-то Цыгана за странным занятием, сидит Коля за кустом сирени с рогаткой и что-то у своей голубятни выщелчивает. Тщательно выщелчивает, так, что, похоже, даже подошедшего Нестерова и не заметил. А тому подумалось: «Вот так же душманы наверное за сопками сидели, ждали пока мы с Василием взлетать будем...»

Поморщился Нестеров, Колю так тихонечко по плечу сзади постучал, – С кем воюешь, душман?

Напугал Колю, тот оглянулся дико, глазёнки горят, а голос дрожит, даже заикаться начал, – А-а!.. Т-ты ч-чё!.. – Видать и, правда, не заметил, как Нестеров подошёл, но с явным недовольством оглянулся и прошипел ещё так. – Сам ты душ-шман афганский, мать твою... Спугнёш-шь ведь!..

– Ка-во?

Коля опустил оружие и безнадежно махнул рукой, – Ну вот, блин, ходят тут всякие!..

– Ага, а потом голуби пропадают... – Сыронизировал Нестеров.

Как-то грустно Коля на него глянул, точно на ребёнка, который не может понять что-то очень простое. Однако после некоторого молчания, объяснил, – Пропадают... Крыса в гараже завелась. Сегодня голубку придушенную нашёл...

– Понятно... – Вздохнул Нестеров, а про себя решил, зря он так на Колю, не душман он вовсе, скорее, наоборот.

Хотел было даже извиниться перед ним вслух, только не понял бы Коля за что, ведь ничего Нестеров ему не сказал. Впрочем, мысленно всё же извинился. А так промолчал, гля-

нул вверх на голубей, которые кружили высоко. По привычке прикинул расстояние на глаз, и подумал о них, как о самолётах: «Нет, этих стингером, пожалуй, не достанут...»

Пока мы с Нестеровым любуемся парой белых, рисующих на тучах круги, Цыган где-то уже отыскал «сынка» лет семнадцати. В самом деле, не Нестерова же за пивом посылать, он как-никак – подполковник, в Афгане служил. Коля хоть и переругивается с Нестеровым, но уважает, даже немного побаивается, пожалуй. Ну и я не пойду, известное дело – «хоть и молодежь, но с норовом». Сунул Цыган «сынку» мелочь и наставляет, – За пивом сгоняешь. Видишь, люди по-от-дыхают. Только «Жигулёвское» не бери, оно вчерашнее. Бери «Чешское», «Чешское» с утра выгружали, сам видел...

Парень Коле отказать не может, Цыган в авторитете у всей мелкой шпаны в округе, да и разговаривает он с молодым голосом, не терпящим никаких возражений, как бы незримо добавляя, припечатав всеми своими наколотыми перстнями сразу, – Цыган сказал!

Пиво пьем втроём – Нестеров, я и Цыган – здесь же в гараже. «Сынка» Коля сразу прогнал, – Нечего взрослым разговорам мешать! Да и пиво молод ещё с серьёзными мужиками распивать...

Цыган хоть строг, но щедр, дал парню какую-то мелочь, – Иди-иди. Конфет вот подружке купишь... Есть подруга-то?..

В гараже сладковато пахнет птичьим помётом, под потолком воркуют голуби, те которые сегодня не захотели летать, впрочем, Коля и не настаивает – не хотят и не надо, холодно нынче там – в небе.

Сидим втроём в голубятне, пиво потягиваем. Что ещё в такую погоду делать? По «ящику» тоже смотреть нечего, тоска какая-то идёт без перерыва. То боевики, то ураган, то наводнение, а то и шоу какое-то дурацкое – много их нынче развелось, все на одно лицо. И будто бы люди, ходят, разговаривают о чём-то, а сами то и дело смотрят, как соседа ловчее «кинуть»... Да ещё и нравоучают при этом, вот мол, природа наша такая, что в таких экстремальных ситуациях нами, жадность да похоть движет, да ещё жажда славы...

Хочется ответить порой «ящику», чего всех по себе-то... но с ним, с «ящиком» спорить, что до Бога в нашей глухомани докричаться. Так что – «заплати налоги и спи спокойно», увы, ничего более умного в голову как-то не приходит.

Впрочем, так легко от «ящика» не отвяжешься, к вечеру заходишь домой, руки сами тянутся к пульта, умом понимаешь, не надо его включать, опять какое-нибудь дерьмо оттуда польётся, но руки-то вот они...

Чего только в мире не твориться, в мире, но не у нас. А у нас, если местные газеты почитать – а других нет – тишь да гладь, салют да праздник, невольно вспомнишь профессора Преображенского: «Значит, никаких не читайте».

Недавно вот сказали, в Казани «Боинг» наш упал, вернее ихний американский «Боинг», на котором негры в Африке лет пятнадцать отлетали, а теперь он нашей российской авиакомпании передан, потому как неграм уже страшно на нём летать, а нашим можно – мы привычные, лишь бы взлетал, авось сядем. При посадке и упал, 50 человек – как корова языком, экипаж и все пассажиры. Что-то в последнее время они часто падать стали...

Хотел я про это у летчика Нестерова спросить, почему, мол? По «ящику»-то всякое наговорят. Но Нестеров эту тему даже разговаривать отказался. Так сказал, – Не люблю я досужих разговоров. Вот когда ящики найдут с бортовыми самописцами, расшифруют записи, когда факты будут, тогда и без домыслов все понятно станет... А так, болтовня одна!

Сказал, как отрезал. Он, Нестеров, может. И право имеет, потому как, хоть и не тот Нестеров, что мертвую петлю изобрёл, но летчик, военный, полковник запаса, боевые награды за Афган имеет.

Как-то помню, к нему журналистка из газеты пришла, интервью брать, а Нестеров в весёлом расположении духа был – вообще он по жизни приколист, да и журналистка та, ко всему, молоденькая, симпатяшка такая – вот он сходу и пошутил с серьёзным лицом, как умеет, – Нестеров? Мертвая петля?.. Не-е, это не я, это дед мой. – Заметив, что девчушка уже купилась и приготовилась вопросы разные задавать, добавил, улыбнувшись. – Шучу, конечно, тот легендарный Нестеровым, который первым «мертвую петлю» сделал, со мной просто однофамилец. Так уж получилось... – И руки развел, извиняясь как бы.

Вообще он хоть и нарочито разговорчив временами бывает, когда в настроении, даже ироничен, но много из него о том же Афгане не вытянешь. Другое дело о службе в Союзе, об училище...

Как и многие мальчишки пятидесятых-шестидесятых, он с самого детства мечтал летчиком стать. Ещё когда в школе учился. Как он сам обмолвился однажды, в их классе из тринадцати парней, по крайней мере, двенадцать точно в летчики хотели пойти.

В соседнем с нами городе тогда, в аккурат, летное училище только открылось, и парни буквально бредили, летчик – это было круто!

А в 10-м классе, когда приписную проходили, им сказали: «Ребята, мы понимаем, что все вы хотите в летчики пойти, но реально на что-то претендовать из вас могут только пятеро».

В итоге – комиссию двое прошли: Нестеров и ещё один парень из их класса. Тот второй в авиационное техникум поступил, а Нестеров, как и мечтал, поехал поступать в лётное.

Вот и сейчас, мы с Цыганом как-то издали развели его на рассказ.

Рассказывает Нестеров, неторопливо потягивая пиво, словно специально затягивая историю, чувствует наш интерес, вот и смакует слова, да нет, точно специально, – В училище мы жили за забором, в казармах рядом с учебными корпусами.

Дисциплина была строгая, армия есть армия. За территорию отпускали нечасто, в основном по выходным в увольнение...

– Как на зоне... – Встревает, было, Цыган.

– На зоне... – Нестеров презрительно кривит улыбку. – Сравнил задницу с пальцем.

Какое-то время он молчит – молчит и Коля, понимая, что сейчас лучше не вмешиваться – потом точно нехотя продолжает, – А с апреля мы обычно выезжали на лётную практику. После первого курса, помню, в Алейске были. Там рядом ракетные шахты располагались, глубокие такие, для запуска межконтинентальных... Сверху когда на них смотришь, они на запятые похожи. Нам строго-настрого запрещали над ними летать, тогда это всё это было СССР – совсем совершенно секретно...

И опять Нестеров пиво потягивает, молчит нарочито сосредоточенно, то ли интерес подогреть старается, то ли сам он сейчас где-то в своих воспоминаниях. Вполне может быть, что именно в этот момент он как раз мысленно шахту стороной облетает.

Помолчав так, приступает к новой главе повествования, – На третьем курсе летали мы на боевых самолетах, уже в Славгороде. На штурмовиках ИЛ-28. Ну а к четвертому – разделение началось: кто-то на ИЛх специализировался, кто-то на ЯК-28...

После училища по распределению попал Нестеров в гарнизон Иркутской области, там отлетал чуть больше десяти лет. Потом снова учеба на курсах командиров, после курсов вернулся к себе в часть...

И снова Нестеров привычно и надолго замолкает, я уже как-то привык к его этой манере общения, жду, знаю, сейчас промолчится и приступит к очередной главе, – Где-то в середине 80-х в войсках началась ротация лётного состава. Те летчики, которые прослужили более десяти лет на Востоке, могли написать рапорт о переводе в европейскую часть страны...

Тогда-то и попал Нестеров под Оршу, в гарнизон Балбасово, – С этого аэродрома в Балбасово, где мы базировались, еще немцы в Великую Отечественную на Москву летали. Там,

недалеко от аэродрома, до сих пор остались здоровенные воронки от наших, русских, бомб. Это наши аэродром бомбили, когда войска третьего Белорусского в сорок четвёртом Оршу освобождали. Со временем в этих воронках образовались небольшие озера, и мы с парнями после полётов часто ходили туда купаться. Осколков от этих бомб там кругом, что камешков на берегу, много мы их находили. У меня раньше они где-то дома валялись, но потом сын куда-то порастерял...

Нестеров рассказывает, а Цыган точно закемарил, поутих, но вижу – слушает, хоть и виду не подаёт. Сиделый-то он, Коля – сиделый, но про войну, как и я, – только понаслышке...

Впрочем, насчёт войны у меня опыт даже поболее Колиного будет. По окончанию политехнического института, ещё молодым специалистом, пришел я работать на химический комбинат. По результатам защиты дипломного проекта, государственная экзаменационная комиссия рекомендовала меня на работу в научно-исследовательскую лабораторию производства, где готовили комплектующие для межконтинентальных баллистических ракет. Думал, буду заниматься наукой в этом направлении, но на практике всё иначе получилось. Поскольку лаборатория была заводская, занимались мы в основном сбором статистических данных для нашего профильного НИИ, о науке никто и не вспоминал. Да и работники института относились к своим коллегам-производственникам не иначе, как к дополнительному штату лаборантов, приезжали, давали нам ЦУ, БЦУ и ЕБЦУ, так у нас шутиливо называли «ценные указания», «более ценные указания» и «ещё более ценные указания».

К тому же, в то время на комбинате запускалось совершенно новое производство, и меня, вместе с другими молодыми инженерами, командировали туда в качестве слесарей для монтажа технологического оборудования. Сроки запуска поджимали, поэтому вокруг царил суёт и неразбериха, нас перебрасывали с одного участка на другой, не везде был полный комплект документации, все дорабатывалось буквально на ходу. В «голове» технологической цепочки оборудование уже обкатывали, а «хвост» еще и не начинали монтировать. Мы, вновь испеченные инженеры-слесаря, под руководством более опытного наставника, которого звали Ефтифёй Калинович, пытались сопрячь какой-то насос импортного производства с нашим российским электродвигателем. Чтобы соединить их, необходимо было снять подшипник с вала насоса. Действовали по-русски, с помощью лома, кувалды и упоминаний чьей-то опять же российской матери. Не получалось. Подшипник крепко сидел на своём месте.

– Ну, хватит. – Наконец махнул рукой Калиныч. – Пойдем документацию поглядим.

– Чего ты там поймешь-то? – Возразил ему третий наш напарник Толя, такой же «зеленый» молодой инженер, как и я. – Она же по-импортному, поди, написана?

– Ну и что. – Резонно ответил Калиныч. – Ты же инженер, там – цифры, схемы...

Он, и вправду разобрался в документации на удивление быстро, – Ну вот, – объяснил нам он, – тут специальный гидросъемник нужен с усилием не менее трех тонн. Короче, пошли курить на проходную...

Старших надо слушать, так нас воспитывали, и мы с Толиком поплелись за Калинычем. От здания отошли метров, наверное, тридцать, когда за спиной жахнуло. Раз, второй, третий... Обернувшись, я увидел облако пыли вверху, почти над собой, а впереди уже на приличном расстоянии мелькали спины Толика и Калиныча.

Добежали мы быстро. До какого-то передвижного вагончика-мастерской, по-моему, это был вагончик сварщиков, впрочем, в тот момент мне было абсолютно всё равно. Мы буквально распластались по стенке вагончика с обратной стороны. Почти одновременно с нашим распластыванием по крыше вагончика застучали осколки стекла и камни. Переждав несколько «бахов», мы отбежали подальше от здания, и пошли в сторону проходной. По пути нагнали мастерицу с соседнего здания, она бегала в панике вокруг раненого мужика-строителя, не зная, что предпринять. А у него из-под рукава спецовки быстро стекала струйка крови. Толик реши-

тельно оторвал рукав от нательной манишки, мы перетянули раненому руку и помогли довести его до медпункта. Как выяснилось потом, он с передвижной строительной вышки красил соседнее здание, и упавший осколок стекла разрезал ему вену. Но выяснилось это позже, уже при «разборе полетов».

Курить нас, конечно, не выпустили – проходная была перекрыта, к тому же заблокировали все внешние телефоны. Чуть позже с каждым из тех, кто в то время находился на территории, беседовали особысты, выясняли – кто и где находился в момент взрыва.

Домой я попал уже вечером. Меня встретила жена со слезами на глазах. Взрыв она слышала, не могла не слышать, рвануло сильно, и еще, ей позвонила подруга, которая работала в больнице, и спросила вполне искренне, – У тебя муж, где сейчас работает? Там-то, там-то? А там взрыв был, оттуда раненых привозят, но ты не волнуйся, твоего пока не привозили...

Слава Богу, по счастливой случайности – а на территории в момент взрыва людей было полным-полно – всё обошлось небольшими ранами и царапинами, жертв не было. Но для меня это стало хорошим предостережением, оборонка – дело серьезное, здесь не шутят. Особенно это было понятно, когда я смотрел на направляющие взорвавшегося здания из массивного стального проката, скрученные винтом. Они одиноко торчали кверху на месте бывшего здания, стен между ними уже не было...

Ближе к полудню неожиданно выглянуло солнце. Цыган «проснулся», как-то приободрился, и давай голубей из гаража выгонять. Там в гараже наверху над воротами специальный вылет для них, вроде клетки. Коля дверцы у клетки распахнул и, – Кыш! Кышь!..

Голуби, громко хлопая крыльями, взмывают в небо, – Кыш! Кыш! – Подбадривает их криками Цыган.

Он сам как птица машет руками, подпрыгивает как мальчишка, а глаза при этом у Коли весёлые-весёлые, не как обычно. Похоже, что Коля и сам с этой шумной, хлопающей крылами стаей готов в небо взлететь. Но голуби взлетают, кружат там, в небе, а Коля остаётся на земле.

– Ну что? – Весело спрашивает он нас. – Видали, как пошли! А белый-белый, глянь какие бабочки нарезает!.. Красота!

Действительно, испытываешь какой-то мальчишеский восторг, когда смотришь туда, в небо, и слушаешь Колю. И даже не знаешь, от чего больше этот восторг тебе передаётся, то ли от голубиных «бабочек» в небе, то ли от Колиных выкриков и подпрыгиваний здесь на земле, – Смотри-смотри, во-о, даёт! Это он перед голубкой так красуется-выделяется! А она-то, она, будто и не замечает его!..

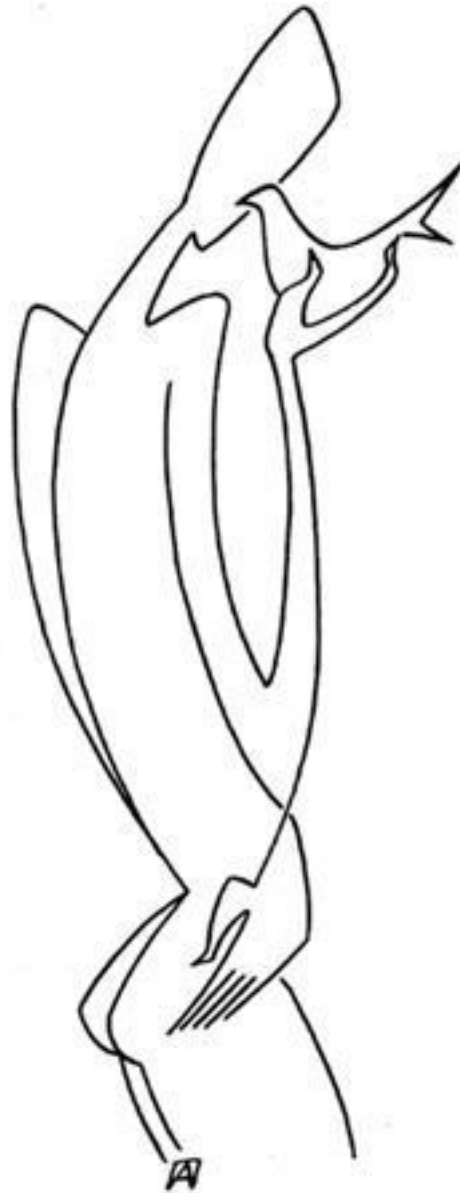
Ближе к семи часам после полудня солнце садится, красиво озаряя верхушки зданий и тополей красным цветом. Отблескивают окна верхних этажей, бросая слепящие отраженные лучи прямо в глаза.

Пиво выпито. В гараже непривычно тихо. Цыган задумчиво сидит на стареньком, кем-то выброшенном диване, который недавно самолично перетащил сюда в голубятню. Нестеров тоже задумчив. Оба молчат. Я невольно, молча, сижу рядом с ними, смотрю на парящих в небе голубей, которые в этот момент невероятно красивы и торжественны.

Довольно странное у нас возникает молчание. Вроде бы все обговорено, все уже переругано, здесь на земле... Особенно между Нестеровым и Колей, но небо они не делят, не хотят делить. Небо неделимо. Оно большое, и для всех.

И компания у нас странная какая-то: один делал всё, чтобы запускать ракеты, другой летал в этом небе и бомбы бросал на других... третий – голубей, вот, запускает. И он, в своём занятии, пожалуй, из всех нас наиболее близок к этому небу...

А небо у нас одно на троих.

Подать милостыню рассказ

1

Как-то встретил случайно своих одноклассников – Василия Зорева, и ещё одного, Булатова. Недалеко от церкви Успенской встретил. Суббота была, у церкви как всегда полно нищих. Когда мимо проходили, Василий достал из кармана какую-то мелочь и раздал каждому понемногу.

А этот третий, Булатов, поморщился как-то, – Не понимаю. Зачем?.. Попрошайкам...

Он насобирает, а к вечеру пойдет и пропьёт всё.

– Ты дурак, что ли!? Как не подать? – Искренне удивился Зорев.

– Не понимаю.

2

Виктор Булатов говорил, горячо жестикулируя, с горящими глазами, будто убеждал кого-то – нас с Васькой, себя ли: «Понимаешь... Я увидел её в магазине... Одет бедно, но аккуратно... – скорее всего, учительница бывшая. Она... она, понимаешь... дотошно так выбирала хлеб и молоко. «Социальные». Ну, самые дешёвые!.. То цены рассматривала. То вздыхала, доставала из кошелька металлические монетки, пересчитывала... – Было видно, что Виктору очень необходимо рассказать это. – Понимаешь, я увидел её глаза... Глаза человека, который никогда в своей жизни не просил. Милостыню!..»

Что говорить, человек Булатов был крайне импульсивный, настроение его могло меняться быстро и диаметрально: то он выглядел рассудительным и даже мудрым – гораздо мудрее своего так называемого «среднего» возраста – порой, даже казалось, что слышишь слова человека пожившего, повидавшего на своем веку, хотя, впрочем, повидать он успел, и повидать, видимо, немало; то вдруг взрывалось у него что-то внутри, он мог наорать, оскорбить человека «за просто так», хотя порой за дело, но делал это очень резко, прилюдно, буквально тыкая «мордой в грязь»; потом мгновенно замыкался, молчал, уткнувшись в монитор компьютера, на все вопросы отвечал нехотя и односложно, презрительно, через губу, и не отрывал глаз от монитора.

Наверное, поэтому, многие считали его человеком жёстким, но почему-то хотелось верить, что настоящий Виктор всё же тот, который говорит всегда так искренне и так убежденно: «Почему?.. Почему так?.. Почему в России всегда так?..»

Не совсем понятно, кому и зачем мы задаем порой этот вопрос. Почему в России... При этом, сами, точно, смотрим на всё со стороны, что-то хорошо понимаем, что-то недопонимаем вовсе, но спрашиваем – себя ли, ещё кого? – Почему в России всегда так?

С работниками, а он был хозяином небольшого бизнеса, Булатов почти всегда общался грубо, жёстко, но, как сам считал, – вполне справедливо, – Увольняешься?

– Да, Виктор Александрович. Вот, уезжаю к матери на Север. Она мне там работу хорошую подыскала. Денежную... Послезавтра уже ехать надо...

– Скатертью дорога. – Обрывал говорившего Виктор.

– А расчёт когда можно будет получить?

– Закон знаешь?.. Вот, через две недели и придёшь.

– Но, Виктор Александрович, мне же послезавтра ехать надо... Поезд... Билет уже купил.

Да и там ждать не будут...

– Твои проблемы.

– Виктор Александрович, я же всегда к вам по человечески... И вечером, и в ночь... когда груз приходил, всегда на разгрузку вызывали... Разве я отказывался когда?.. Войдите же в моё положение!

– Я не баба, чтоб в положение входить. Твои проблемы.

– И что мне теперь, без денег ехать?..

Виктор погружался в монитор, тем самым окончательно давая понять, что разговор окончен. Человек растеряно стоял перед ним, молча, потом видимо понимал, что продолжения разговора уже не будет, досадливо махал рукой, разворачивался и уходил восвояси, бросая напоследок, – Да засунь ты эти копейки себе в!..

Спустя время, находило на него, Виктор как бы оправдывался, перед кем-то, перед собой ли:

– Понимаешь, я ведь не жадный. Просто люди у нас совершенно разучились работать. Не хотят. Зато денег все хотят. Всем заплати. А никто не задумывается, как они, эти деньги мне даются! Я прежде, чем всё это иметь, три года кверху ж... на базаре простоял!.. А им всё и сразу!.. Посмотри на китайцев, пашут день и ночь за копейки, и не жалуются! Недаром на городском совете предпринимателей серьезно ставили вопрос, почему бы работодателям не использовать по найму китайцев. Смотри, их сколько нынче понаехало!..

В такие моменты Булатов был похож на токующего глухаря. Для тех, кто не знает, у этой птицы есть в ушах такие косточки, и когда глухарь начинает токовать, – косточки эти перекрывают ушную раковину, и он слышит только свое пение...

3

День был жаркий. Июльский. Василий предложил зайти в городской парк напротив Успенки, выпить по кружечки пива. Виктор отказался, – Дела у меня... А знаете, пошли со мной. Мне к батюшке нужно...

Бизнес у Булатова продвигался неплохо, даже появились излишки. Он начал всерьёз задумываться, что бы ещё такое предпринять, желательно для души. А поскольку, в пору своей совсем зелёной юности он месяц проработал корреспондентом в районной газете «Путь к коммунизму», – мысль о собственном издании прочно захватила его.

Он и сейчас чего-то пописывал, впрочем, пописывал в стол – точнее на «винчестер» своего «компа» – где его пока неизвестные опусы дожидались своего часа. Хотя никто не знал, что это за час и когда он наступит, – дело не в этом. Главное, чтобы сам человек верил в это и надеялся.

К отцу Григорию Виктор зашел, чтобы получить благословение на открытие новой газеты. Его газеты.

По дороге мы подшучивали над Виктором: «Владелец заводов, газет, пароходов...» Хотя вполне по-дружески подшучивали, убеждённые, что движет Витькой благое намерение. И, не вспоминая как бы, куда благими намерениями дорога устлана...

Как бы там ни было, но убеждать Виктор умел. И одобрение святого отца было получено, без особого труда. Тем более что целая полоса в газете отдавалась под православный раздел. Как-то сам по себе разговор с батюшкой перетёк в мирное житейское русло, и поэтому для большей теплоты беседы мы вчетвером попили чай, и отец Григорий угощал мёдом:

– Медок-то с нашей пасеки, – смаковал он, смачно цепляя ложкой мёд, – у нас в храме своя пасека есть. Каждое лето пчёлки в поля вывозим...

– Добрый медок, – соглашались мы.

– Майский, – со знанием дела пояснял отец Григорий, – видишь какой... – он не мог найти подходящего определения, – душистый!.. А прозрачный какой, аки Слово Божие...

– А кто его слышал, это Слово? – Встрял Василий со своим извечным желанием «оживить» разговор.

Но батюшка был непоколебим и настроен весьма благобно:

– Слышали люди. Да забыли... А чтобы вновь услышать, уверовать надо. Вера она всегда необходима человеку. А сегодня, может, нужнее, чем когда-либо. Сегодня люди видят вокруг себя много несправедливости, озлобляются, опять же. А света впереди не видят. И Слово Божье не слышат потому...

При этих словах Виктор как-то заерзал, едва не опрокинул кружку с чаем;

мы поняли, что Булатову что-то очень хочется сказать батюшке, но что именно мы понять пока не могли.

– Ждут его, Слово, как милостыню свыше ждут. – Меж тем дале проповедовал отец Григорий. – А ждать-то и не надо – иди навстречу, и все тебе откроется...

– ... Батюшка... Недавно я видел в магазине женщину... – «Вот оно», – точно пробило нас с Василием одновременно, но мы терпеливо выслушали эту историю во второй раз. – ... Когда я уже расплатился и выходил, она подошла к кассе, протянула горсть мелочи... Не знаю, что меня стукнуло в тот момент, я вытащил деньги... бумажку и протянул кассирше: «Возьмите. За женщину». Увидев недоумение, пояснил: «У меня есть и не убудет... Возьмите»... Батюшка! Видели бы вы её глаза...

После этого Витькиного откровения разговор с батюшкой как-то быстро пошел на убыль. Мне даже показалось, что отец Григорий потерял к Виктору, к его газете всякий интерес...

4

Мы молча пили пиво в парке напротив Успенки. Даже Виктор не оправдывался, а может, просто не успел ещё придумать это оправдание. Для нас, для себя ли...

Давно заметил, что, попав в такую ситуацию, человек чувствует некий дисбаланс. А потому у него неизменно возникает желание объяснить себе случившиеся, как некое стечение обстоятельств. Убедив себя в этом, он восстанавливает покачнувшееся было равновесие. Вот и ладно, вот и хорошо, говорит себе, вот и забыть всё можно...

А мне отчего-то вспомнилось, молча вспомнилось, как недавно на родине Василия Макаровича, в Шукшинских Сростках от одной сотрудницы музея услышал я одно воспоминание о военных годах. Воспоминание мальчика из семьи высланных Поволжских немцев. Вернее, это тогда, в войну, ему было лет двенадцать всего, сейчас же – это старый умудренный опытом человек, но случай тот запомнил он на всю свою жизнь. Запомнил до мельчайших подробностей.

Вот коротко его рассказ: «Жили мы тогда у одной бабушки. Она пустила нашу многодетную семью на постой с одним условием, что мы будем отапливать избу. Поэтому мне приходилось почти каждый вечер ездить на санках за дровами через Катунь. А днём я брал сумку и шёл к Чуйскому тракту просить милостыню ради Христа. Когда бабушка совсем слегла, и к ней переселились родственники, чтобы ухаживать за ней, в постое она нам отказала.

Но опять нашёлся добрый человек – бригадир Ермолай Григорьевич Емельянов. Или попросту дядя Ермолай – герой одноимённого рассказа Шукшина. Он разрешил нам жить в бригадной избушке, где хранилась конская сбруя и хомуты.

Особо запомнился один случай. Однажды два дня мы вообще не ели ничего, просто ничего не было. И тогда мать, решила продать самое дорогое, что у нас было – костюм, фуражку и туфли отца. Предложила бригадиру. Тот сначала отказался, а потом вернулся, забрал свёрток и привёз нам картошку и муку... И потом долго ещё возил продукты, как бы рассчитываясь за костюм.

Прошло время, и из трудармии вернулся отец. Его «активировали». То есть, списали по состоянию здоровья. Пришел – кожа да кости. Соседи, узнав про его возвращение, несли, кто что мог.

Приехал и дядя Ермолай, привёз творог, сметану ещё что-то из продуктов, подбодрил отца, чтобы не переживал: кости есть – мясо нарастёт. А, уходя, отдал матери свёрток. Сказал: «Потом посмотришь». Когда мать развернула, в свертке оказался отцов костюм, туфли и фуражка, завернутые в ту же самую тряпку...»

Чечен рассказ

Посвящаю моему отчиму...

Отпевая, батюшка сильно кашлял, глухо, откуда-то точно из глубины грудины, оттого сбивался в самых неожиданных местах молитвы, краснел, морщился, будто досадовал на себя, но всё же мужественно пересиливал в себе простуду и продолжал исполнять свой долг: «Картина земной жизни человека, предстоящего... к-ха, к-ха... перед лицом смерти, поистине... к-ха, к-ха... выглядит мрачной и... к-ха, к-ха... почти безысходной...».

Отпевали Максима – двадцатилетнего парня, с рождения больного детским церебральным параличом. Собственно и этим, своим совсем не долгосрочным пребыванием на земле, он обязан был своим деду и бабушке, которые все двадцать лет кормили его, буквально с ложечки, купали, каждый раз точно новорожденного, и даже пытались научить читать и считать. А он сидел в своём инвалидном кресле, не говорил, г-гыкал, так реагируя на те, или иные их слова и поступки, иногда радостно широко улыбался, иногда хмурился сердито, и временами отчаянно жестикулировал руками, точно пытаясь что-то им объяснить.

Буквально несколько месяцев тому назад, после перенесенного воспаления лёгких, Максим слёг, и всё это время в кресло его почти не усаживали, он лежал, практически ничего не кушая. Если и удавалось бабушке каким-то невысказанным образом что-то скормить ему, буквально через пять минут парня рвало, и всё съеденное выходило наружу. Видимо, все мышцы парня настолько ослабли за время болезни, что желудок просто отказывался работать, Максим похудел почти вдвое, лицо его страшно осунулось, точно всё целиком ввалилось вовнутрь, только нос и надбровные дуги выпирали далеко вперёд и как-то нелепо торчали тремя кольшиками небритые усы и тонкая, очень похожая на чеховскую, интеллигентская борода.

Месяцы эти не прошли бесследно и для деда с бабушкой, они настолько намучались с больным внуком, что оба сгорбились и выглядели усталыми и похудевшими. Теперь они стояли у гроба вместе с другими родственниками, держали как все в руках свечи, крестились, устало и отрешённо.

Дед – чеченец по национальности – человек не воцерковленный, даже более того не крещённый – осенял себя крестным знаменем крайне неумело, неправильно, делал это впервые в жизни, но все присутствующие тактично старались этого не замечать. Он держал свечу в правой руке, при этом пытаясь перекреститься левой, впрочем и это получалось как-то культияписто, без всякого соответствия серьёзности момента. Одна молодая родственница, стоявшая рядом, шёпотом подсказала деду:

– Иса Усманович, свечку-то в левую руку возьмите, а креститесь – правой. Тремя пальцами, сверху – вниз, справа – налево...

Он машинально кивнул, понял – не понял ли, но переложил свечу в левую руку, сжал большой, указательный и средний пальцы и перекрестился.

«...и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом... к-ха, к-ха... мы, оставшиеся в живых, вместе с ними... к-ха, к-ха... восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так... к-ха, к-ха... всегда с Господом будем...», – простужено речетативил батюшка, в такт молитве покачивая кадилком, в комнате было душно, густо чадили свечи, люди крестились, и искренние выражения скорби и сочувствия неподвижно застыло на их грустных лицах.

...Из детства Иса помнил немного. Пожалуй, более всего, запало ощущение чистого горного воздуха, который вдыхаешь, точно родниковой воды испробовал, и пьёшь, пьёшь беско-

нечно, да ещё – то неповторимое притяжение бездонной синевы над горами, в которую хочется смотреть и смотреть, пока весь целиком в ней не растворись.

И двух лет ему не было, когда в феврале 1944 года, произошли знаковые для целого народа события. Ровно в два ночи во всех городах и аулах Чечни сотрудники НКВД по радио получили кодовый сигнал «Пантера». А в шесть часов утра военные уже стучались бесцеремонно во все дома и грубо будили хозяев. Так началась в Чечне заранее подготовленная высшим руководством НКВД операция «Чечевица». Без всяких лишних объяснений, без тени всякого понимания и сочувствия, военные выделяли ничего не подозревающим, полусонным людям на сборы условно два часа, впрочем, и это время редко выдерживалось полностью, а потом буквально заталкивали их в грузовики и везли на ближайшую железнодорожную станцию. Там испуганных людей, опять же без всяких разъяснений, сразу грузили в телячьи «теплушки» и, не мешкая, отправляли состав куда-то за Урал, куда именно никто из отправляемых не ведал, потому как хранились все детали операции в величайшей тайне.

Тогда им, переселенцам, на семью разрешили взять с собой до пятисот килограммов груза, но поскольку фактически времени на сборы не было, большую часть вещей пришлось оставлять дома. К тому же в каждую тесную «теплушку» набивали тогда до пятидесяти человек переселенцев вместе со всем имуществом, и если у кого-то пожиток было слишком много, их излишки бросали здесь же на перроне...

Надолго остались в памяти и те детские ощущения бесконечного, словно навсегда поселившегося в теле холода и нескончаемо-долгой дороги. Это когда рельсы внизу надоедливо стучат – тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук, точно где-то в голове кто-то надоедливо настукивает по маленькой наковаленке; а в щелях между досками стенок «теплушки» то и дело мелькают, сменяя друг друга бесконечные горы и равнины, поля и леса, и изредка, усиливая многократно звуки, мелькнут там опоры какого-нибудь железнодорожного моста. А внутри вагона всё уныло и серо – пыль в воздухе, кучи пожитков, люди, как-то мостящиеся на них, теснота, ворчание и несмолкающий детский плач, поэтому, конечно, интереснее смотреть в щель, припав лицом к доскам. Тогда внутренностей теплушки не видно, а только мелькание сменяющихся пейзажей. Но это не проходящее состояние внутреннего холода, от которого, кажется, никогда не избавиться?..

Как писал позже в докладе Лаврентию Берии начальник конвойных войск НКВД генерал Бочков, обозначая всю масштабность и грандиозность операции: «в 180 эшелонах по 65 вагонов в каждом было отправлено 493 269 человек. В пути родились 56 младенцев и умерли 1272 человека, главным образом от простуды или обострения хронических болезней». Подавляющее большинство вынужденных переселенцев было тогда доставлено в Казахстан и в Киргизию.

Они, трое ребятшек, из которых Иса был самый младший, вместе с матерью – их отца забрали на фронт гораздо раньше – обосновались в Павлодарской области... Как они жили, как выживали, про то нужно писать отдельную повесть. Однако среднюю школу Иса окончил в Казахстане с отличием, а потом поступил и в институт. И не куда-нибудь, – на родину – в Грозный. На строительный факультет, как и мечтал.

...В Сибирь он приехал по распределению, сразу после окончания. Тогда ректор вызвал к себе пятерых выпускников, в том числе и его, в качестве аргумента показал им письмо из главка, где начальство в строгом тоне отчитывало ректора за то, что уже три года, несмотря на запросы из Москвы, он не посылал молодых специалистов на работу в Сибирь.

– Вот, выручайте, парни! – Обратился он к ним с просьбой, и тут же в приказном тоне добавил. – Нужно ехать!

Ректору – тому, кого они боялись и уважали все пять лет учёбы в институте, седому, высокому, строгому и непреклонному, до сего момента вершителю их судеб – отказать было

сложно, тем более в такой ситуации. В то время дипломы на руки выпускникам не выдавались, их просто пересылали по месту распределения молодого специалиста, и только после отработки, он мог забрать это свидетельство об окончании вуза, и далее уже распоряжаться своей судьбой по собственному разумению. Иначе диплом, а вместе с ним и пять лет упорных занятий, просто аннулировались.

– Услуга за услугу. – Иса как-то неожиданно для себя насмелился и впервые за пять лет обучения поставил условие самому грозному ректору. – Мы помогаем вам – едем по распределению в Сибирь, а вы нам дипломы сейчас отдаёте!

– Как это сейчас! Ты что!.. – Ректор поперхнулся от такой неслыханной доселе дерзости.

– Ну да, на руки...

– Как на руки!?

– Ну, просто, отдаёте и всё...

– Да вы... вы... шантажисты вы!.. А ты... ты, Иса... просто чечен вредный!..

Он, помнится, не сильно обиделся тогда на ректора за «чечена», тем более, дипломы им всё-таки по распоряжению все того же ректора решили отдать, единственное, что он потребовал от обнаглевших выпускников, чтобы они дали ему слово, что обязательно до места доедут. Конечно, слово пришлось ректору дать, но «чечена» Иса запомнил на долгие годы.

Впоследствии, вот так же его пасынок, мальчишка лет десяти – который очень остро переживал, что отец бросил их с матерью, а теперь у него, вот, отчим... – когда Иса ругал его, и чаще всего по делу, за какой-нибудь проступок, демонстративно уходил в другую комнату и открывал томик стихов Лермонтова. Иса даже знал, что он теперь открыл наверняка – «Казачью колыбельную», бубнит, небось, про себя: «По камням струится Терек, // Плещет мутный вал; // Злой чечен ползет на берег, // Точит свой кинжал; // Но отец твой старый воин, // Закалён в бою...».

Впрочем, на пасынка он тоже не обижался, прекрасно понимая, что мальчишке пришлось пережить разлуку с отцом, а большинство подростков в этом возрасте категоричны, и порой жестоки в этой своей категоричности. В сущности, по горским законам, а Иса уважительно относился к законам своей родины, отец предал мальчика. Но Иса никогда об этом и не думал даже говорить пасынку, зачем парню соль на большое сыпать. В принципе он любил этого парня, и относился к нему, как к родному сыну, верил, позже всё это мальчик сам поймёт, а пока нужно было искать какие-то компромиссы, чтобы и не ранить пацана словом невзначай, но и воспитать его, чтоб вырос он настоящим мужчиной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.